

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

В. В. НОВИК

**СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

**УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

**Санкт-Петербург
2002**

ББК 67.52+67.408

Новик В. В. Способ совершения преступления. Уголовно-правовой и криминалистический аспекты. СПб., 2002. 92 с.

Рецензенты

И. А. ВОЗГРИН — первый проректор Санкт-Петербургской юридической академии, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации;

В. И. РОХЛИН — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Данное монографическое исследование посвящено способу совершения преступления с позиции уголовного права и криминалистики. Автор рассматривает его генезис, место в структурной модели преступления, соотношение способа с целями и механизмом совершения преступления и другие вопросы.

Работа представляет интерес для студентов, аспирантов, преподавателей, научных работников юридических институтов и факультетов.

© Санкт-Петербургский
юридический институт
Генеральной прокуратуры
Российской Федерации,
2002

ВВЕДЕНИЕ

Способ совершения преступления всегда привлекал пристальное внимание ученых разных юридических специальностей. Категория “способ совершения преступления”, являясь универсальной, используется в уголовном праве, уголовном процессе, теории доказательств, криминалистике и др. При этом, выполняя роль своеобразного связующего звена, в то же время в каждой из указанных дисциплин она имеет особенное содержание и применение. Развитие содержания данного понятия шло параллельно в разных дисциплинах. Базовыми следует считать разработки представителей науки уголовного права — Я. М. Брайнина, В. Н. Кудрявцева, Л. Л. Кругликова, Н. И. Панова и др.

Криминалистическое понимание способа совершения преступления складывалось с развитием науки криминалистики, постоянно было в поле повышенного внимания ученых, что в определенный момент и приводило к качественному переосмыслению накапливаемых о нем сведений. Этот процесс можно разделить на несколько периодов: 20-е — 40-е гг. XX в. (С. А. Голунский, В. П. Громов, П. Н. Тарасов-Радионов, Б. Н. Шавера и др.); 60-е — 80-е гг. XX в. (Р. С. Белкин, А. Н. Васильев, А. И. Винберг, Г. А. Густов, Г. Г. Зуйков, А. Н. Колесниченко, Э. Д. Куранова, В. П. Лавров, И. Н. Лузгин, Г. Н. Мудьюгин, Н. А. Селиванов, В. Г. Танасевич, Н. П. Яблоков и др.); 90-е годы XX в. и до настоящего времени — В. В. Вандышев, И. А. Возгрин, В. П. Ермолович, В. А. Образцов и др. Предложенная нами периодика условна, в том числе и потому, что многие из ученых неоднократно возвращались к данной теме — в начале своего научного пути и в последующие годы.

Генезис представления о способе совершения преступления шел от вычленения его из общей массы элементов преступления, определения его роли, места в системе преступления, взаимосвязи с другими элементами. Способы совершения преступления рассматривались как первопричины возникновения следов криминальных действий.

Наращивались сведения об отдельных составляющих его характеристику признаках, его структуре.

Способ рассматривался в системе с детерминирующими факторами, обуславливающими его выбор. На основе знаний о деталях преступной деятельности, в том числе ее основном выразителе — способе, разрабатывались направления деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений.

Установление закономерностей и взаимосвязей в структурной модели преступления позволяет определить логическую цепочку механизма формирования судебных доказательств: способ—следы—доказательства. Другими словами, преступление совершается определенным способом; способ оставляет характерную именно для него совокупность различных следов; “прочтение” (расшифровка) совокупности следов дает возможность реконструировать совершенное преступление (учитывая способ действий и другие обстоятельства, подлежащие установлению, входящие в предмет доказывания); информация, носителем которой являются следы, трансформируется в доказательства.

Однако обилие разработок, носящих преимущественно прикладной характер, дает противоречивую картину, подчас со взаимоисключающими оценками и позициями. Кроме того, вводимые криминалистами в оборот отдельные термины, нередко заимствованные из смежных наук, и в целом используемый понятийный аппарат привносят смысловую путаницу, влияют на чистоту предлагаемых положений и концепций, что препятствует разработке эффективных методов раскрытия и расследования преступлений и в конечном счете мешает оптимизации процесса доказывания. Правы те, кто отмечал, что понятия представляют собой элементарные ячейки, первооснову любой науки. Поэтому имеет первостепенное значение формирование и совершенствование понятийного аппарата классификационных систем различных разделов криминалистики. Необходимо периодически обобщать, анализировать основные понятия криминалистики. Возможно введение новых поня-

тий, уточняющих существующие определения и корректирующих отдельные классификации. Это будет способствовать более глубокому проникновению в предмет криминалистики, зарождению новых направлений исследований, расширению круга теоретических положений [56. С. 3]. В этом плане обоснованна позиция о необходимости разработки соответствующей теории и определения криминалистического понятия преступления как генерального направления развития криминалистики [16. С. 78—85].

Появление новых видов преступлений, которые нередко более квалифицированы и сложны по сравнению с традиционными (в способах и средствах совершения, в предмете посягательства и других элементах), требует их теоретического осмысления. По нашему мнению, возникла потребность провести как бы инвентаризацию имеющихся положений, разработок, концепций, чтобы выделить все то ценное, что должно помочь решению современных проблем. При этом важно отсеять противоречащее сегодняшним реалиям, то, что вследствие упрощенного представления девальвировало. Необходимо учесть и максимально использовать результаты разработок смежных наук, имеющих свой аспект изучения и свою интерпретацию единого предмета познания — преступления, что существенно дополняет криминалистическое понимание способа совершения преступления. Неодинаковость направленности и итогов исследований по данному вопросу объясняется следующими причинами: постановкой разных задач, включением в оборот разных сведений, использованием различных источников сведений, рассмотрением проблем в узком аспекте, без осуществления системного сравнительного анализа, и т. п.

Относительно исследования способа совершения преступления имеются следующие упущения:

отрыв криминалистических разработок от уголовно-правовых и криминологических;

неиспользование обобщенных сведений о типичных способах применительно к отдельным группам преступлений, собранных в процессе разработки частных методик расследования;

рассмотрение категории “способ” в отрыве от других значимых элементов преступления;

исследование способа и его компонентов в статике, без учета его развития и движения.

Приступая к рассмотрению темы, перечислим вопросы, которые вызывают споры, требуют уточнения и новой интерпретации.

Каковы трактовки способа совершения преступления науками уголовного права, криминологии, уголовного процесса, криминалистики — совпадают или имеют специфику? Какие функции способа совершения преступления выделяют юридические науки? Почему выражение способа в диспозициях норм различно? Какова роль способа совершения преступления в механизме уголовно-правового запрета? Как оценивать действия, находящиеся вне границ преступного деяния — совершающиеся до и после достижения преступного намерения? Едина ли структура способа либо виды структур способов зависят от вида преступления?

Это далеко не полный перечень вопросов, которые ставят практика и теория сегодня. Они требуют своего разрешения, чтобы привести содержание данного понятия в соответствие с современными знаниями о нем.

1. УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПОНИМАНИЕ И ВЫРАЖЕНИЕ В ЗАКОНЕ СПОСОБА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Уголовно-правовое понятие способа совершения преступления является приоритетным, базовым, что обусловлено положением самой науки уголовного права.

В уголовном праве способ преступного деяния включается в число признаков, характеризующих объективную сторону состава преступления. При определении места способа совершения преступления среди других элементов объективной стороны исходят из следующего. Общественно опасному деянию, преступным последствиям и причинной связи отводится роль обязательных признаков. Способ наделяется статусом факультативного элемента наряду со средствами, местом, временем и обстановкой совершения преступления. В структуре общественно опасного деяния способ рассматривается в качестве его обязательного признака, характеризующего качественное своеобразие преступления, показывающего его индивидуальные особенности, присущие действию в конкретном преступлении [50. С. 11]. Деление признаков объективной стороны на обязательные и факультативные отражает их различное правовое значение при конструировании конкретной правовой нормы.

Каково содержание понятий “деяние”, “способ”, “средства” и как они между собой соотносятся? Рассмотрение поставленных вопросов потребует для сравнительного анализа названных терминов с их криминалистическими аналогами.

Для уточнения понятий “деяние”, “способ”, “средства” и их взаимного соотношения обратимся к этимологии данных понятий.

“Деяние — действие, поступок” [48. С. 158].

“Средства — 1) прием, способ действия для достижения чего-нибудь; 2) орудие (предмет, совокупность приспособлений) для осуществления какой-нибудь деятельности” [48. С. 750].

“Способ — прием, действие, метод, применяемые при исполнении какой-нибудь работы, при осуществлении чего-нибудь” [48. С. 747].

Из грамматического толкования указанных понятий следует, что основным среди них выступает деяние. Способ и средства находятся в положении субординации по отношению к деянию, представляют его основные характеристики. Уголовно-правовое толкование полностью учитывает все оттенки и нюансы грамматического понимания данных терминов.

Преступное деяние — это акт человеческого поведения, который проявляется в виде физического воздействия на людей, предметы внешнего мира, написания или произнесения слов, использования жестов либо в несовершении действий (бездействии).

Так, для сферы экономики в силу особенностей правоотношений и правовой природы относимых к ней преступлений акт человеческого поведения проявляется в распоряжении имуществом, ценностями и/или получении прав на владение имуществом, ценностями и распоряжение ими.

Особенностью преступного деяния является то, что оно складывается из ряда отдельных, связанных между собой актов поведения лица и направлено на осуществление определенной цели. Преступное деяние мошенничество (ст.159 УК РФ), например хищение автомашин путем обмана, может состоять из следующих актов поведения: подыскание продавца автомашины, подготовка легенды, места, где намечается произвести операцию, имитирующую сделку купли—продажи, подготовка предмета, используемого при фальсификации оплаты за покупку, подготовка фальшивых документов и другие поведенческие акты. Криминальный взрыв можно представить как приведение в действие взрывного устройства путем нажатия кнопки. Однако это не так. Что-

бы взорвать намеченный объект, виновный должен провести разведку для сбора сведений о жертве, месте, времени, объекте, где будет устанавливаться взрывное устройство, подготовить взрывное устройство к эксплуатации, решить вопросы, связанные с маскировкой своих действий и противодействием со стороны жертвы и правоохранительных органов и т. п.

То есть каждое, даже несложное преступное деяние составляет систему, комплекс взаимосвязанных человеческих актов.

Способ и средства являются составными частями самого общественно-опасного деяния, а место, время и обстановка выступают условиями его совершения. Способ и средство находятся в неразрывном единстве. Использование средств в процессе совершения преступления рассматривается как особый способ исполнения деяния — орудийный способ. Средства совершения деяния в их широком толковании составляют большой и разнообразный перечень. Так, к средствам, в первую очередь, относят орудия. Средства представляют собой одушевленные и неодушевленные компоненты, используемые виновным в качестве методов воздействия на объект уголовно-правовой охраны. В. Н. Кудрявцев пишет: “Под средствами достижения цели понимаются большей частью орудия совершения преступления, то есть технические устройства или естественные предметы, а иногда и невиновные люди, используемые субъектом” [27. С. 110].

К средствам совершения преступления относятся, например, радиоактивные, бактериологические, химические вещества и отходы, биологические агенты и токсины (ст.ст. 246—248 УК РФ), заведомо подложный документ (ч. 3 ст. 327 УК РФ), различные компьютерные средства, или в более широком смысле — информационные технологии, и др. Орудиями совершения преступления являются огнестрельное оружие (ч. 2 ст. 205 УК РФ) оружие и предметы, используемые в качестве оружия (ч. 2 ст. 162, ч. 2 ст. 206 УК РФ), транспортные средства (ст. 264 УК РФ) и др.

Если деяние состоит из множества поведенческих актов применения различных орудий и средств преступления, то способ характеризует набор, сочетание, порядок, последовательность и интенсивность исполнения таких актов в определенном направлении для достижения определенных целей. В ситуации, когда в качестве преступных выделяется лишь часть поведенческих вариантов, способ определяет признаки, позволяющие, во-первых, отличать их от некриминальных, во-вторых, выразить их индивидуальные особенности, присущие этому преступлению.

Н. И. Панов отмечает, что способ принадлежит противоправному деянию, определяет его качественную составляющую, указывает на операционное (динамическое) своеобразие его исполнения. Способ имманентен действию, скрыт в нем, входит в его содержание, определяя форму внешнего выражения преступления [50. С. 11—24].

Следует сказать, что уголовно-процессуальное понятие соответствует такому смысловому значению. Пункт 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ устанавливает, что подлежит доказыванию “событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления)”. То есть здесь способ и другие обстоятельства находятся в положении субординации по отношению к событию преступления.

В юридической литературе имеется много определений способа совершения преступления, незначительно различающихся между собой в акценте на каком-либо из компонентов этого понятия. Н. И. Панов способ понимает как “определенный порядок, метод, последовательность движений и приемов, применяемых лицом при совершении умышленных или неосторожных преступлений, сопряженных с избирательным использованием средств совершения преступления” [50. С. 24].

В ряде определений выделяется детерминированность способа условиям внешней среды и психофизиологическим свойствам личности.

Нам импонирует определение способа, предложенное И. Ш. Жордания. Он делает акцент на признаках категории

“способ”, которые до него оставались в тени. И. Ш. Жордания определяет способ как систему целенаправленных актов поведения: действий, операций, приемов, движений, применяемых лицом при совершении преступления. При этом ученый предлагает следующую логическую схему: сумма движений образуют прием; совокупность приемов образуют операцию; несколько операций составляют способ [19. С. 27]. Приведенное определение было подвергнуто критике Н. И. Пановым за то, что в нем менее простая операционная единица признается способом (средством) в выполнении более сложной операции, а “анатомирование” действия на мелкие составляющие части было оценено как искусственное. Н. И. Панов резюмирует: “В каждом преступлении, значит, может выделяться множество способов, каждый из которых, как и все они вместе взятые, не могут свидетельствовать ни о фактических, ни о социальных свойствах преступления” [50. С. 10].

По нашему мнению, предложенная И.Ш.Жордания трактовка способа имеет ряд достоинств. Во-первых, в понимании способа как совокупности различных и многообразных поведенческих актов. “Анатомирование” способа на мелкие составляющие — есть отражение фактической стороны. Это подтверждается обращением к судебным решениям и обвинительным заключениям, которые содержат примеры реально применяемых способов с их детальным описанием. Подобная детализация необходима в интересах расследования и процесса доказывания. Аргументы же, выдвигаемые Н. И. Пановым, отражают интересы уголовно-правовой оценки деяния, в частности при его квалификации.

Подходы Н. И. Панова и И. Ш. Жордания не являются взаимоисключающими. Дело в том, что у них разные направленности исследования, разные углы рассмотрения, т. е. разные аспекты единого предмета исследования. Определение И. Ш. Жордания включает в содержание способа такой признак, как движение к определенной цели. Это движение рассматривается как совокупность актов поведения, которые выстраиваются в последовательную цепочку

при достижении конкретных промежуточных целей, образующих определенный этап. В целом все это имеет конечную цель и движется к ней, реализуя последовательный ряд этапов. Такое понимание способа является конструктивным в криминалистическом аспекте.

Признаки преступного деяния, по сравнению с другими признаками состава преступления, наиболее полно отражены в диспозициях статей. Они встречаются чаще, образуют гораздо больше комбинаций, чем признаки других элементов состава, разнообразнее, нередко состоят из сложных образований, имеют альтернативный или оценочный характер. Именно по признакам объективной стороны состава преступления осуществляется квалификация преступления. Преступное же намерение лица объективизируется через способ и средства совершения деяния. [28. С. 138; 59. С. 165, 167].

Поэтому способ и средства совершения преступления, являясь основными характеристиками деяния, упомянуты почти во всех нормах Особенной части УК РФ, но их форма выражения различна. В ряде составов прямо названы конкретные способы: “применение насилия” (ст. 131 УК РФ), “незаконное проникновение в жилище” (ст. 158 УК РФ), “применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия” (ст. 162 УК РФ), “обман или злоупотребление доверием” (ст. 159 УК РФ) и др.

Характеристика способа в законе также различна. В диспозицию норм может быть включен один определенный способ либо несколько альтернативных способов в виде их исчерпывающего перечня (например, ст.ст.195, 196, 198 УК РФ и др.).

Имеется вариант, когда помимо упомянутых в норме закона способов допускаются и иные. Например, ст. 183 УК: “... а равно *иным* незаконным способом”; ст.200 УК РФ: “... или *иной* обман потребителей”; ст.275 УК: “...либо *иное* оказание помощи иностранному государству... в проведении враждебной деятельности”.

Ряд норм УК имеет ярко выраженный бланкетный характер. Для уяснения содержания этих норм, включая и характер способа преступных действий, необходимо обращаться к положениям других отраслей права либо к ведомственным инструкциям. Так, нормы главы 22 “Преступления в сфере экономической деятельности” предполагают обращение к соответствующим положениям гражданского, налогового, валютного и других отраслей законодательства и ведомственным инструкциям, связанным с регулированием экономической деятельности; нормы главы 33 “Преступления против военной службы” — к Общевоинским уставам Вооруженных сил РФ и др.; ст.ст. 215—220 УК РФ главы 24 “Преступления против общественной безопасности”, ст.ст. 263, 264 УК РФ главы 27 “Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта”, ст. 143 УК РФ главы 19 “Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина” и др. — к соответствующим законам, в частности к Федеральному закону РФ “Об использовании атомной энергии”, к ведомственным нормативным актам, регулирующим вопросы безопасности производства работ, движения и эксплуатации различных видов транспорта и т. п.

Необходимо указать еще на одну форму выражения содержания способа — через образование конкурирующих норм типа “общая—специальная”. В теории уголовного права отмечается, что существование конкурирующих норм имеет позитивный смысл, так как преступное поведение разнообразно. Сравнение общих и специальных норм показывает, что они с разной степенью обобщения и различной полнотой предусматривают признаки одного и того же преступления либо преступления, совпадающие по отдельным признакам. Таким образом, в частности, конструируются так называемые составные преступления. Например, ч. 1 ст. 159 УК РФ предусматривает основной состав мошенничества, а ч. 2 — квалифицированный (мошенничество, совершенное по предварительному сговору). В качестве общих норм могут рассматриваться статьи о так называемых

должностных преступлениях, а в качестве специальных — статьи о преступлениях против правосудия.

Кроме того, в ряде статей законодатель, не называя прямо способа, дает возможность вынести суждение о нем. Например, ст.286 УК РФ (превышение должностных полномочий) сконструирована так, что о способе можно судить опосредованно, исходя из наделяемых должностное лицо полномочий. Это относится к ст. 201 УК РФ (злоупотребление полномочиями) и ст. 202 УК РФ (злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами).

В ряде норм суждение о способе можно вывести через категории “цель”, “мотив”, “наступившие последствия”, например, в ст.ст. 111, 246, 247, 264, 266, 272, 277, 278, 282, 309, 317, 357 УК РФ.

Как будет показано ниже, указанный вариант выражения способа в законе является следствием учета при конструировании нормы еще одной категории — механизма совершения преступления.

Категория “способ” применима также к совершению преступления при бездействии — указывает, какие конкретные действия не совершены. Так, ст. 293 УК РФ устанавливает, что “халатность — т. е. неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе...”.

Таким образом, в уголовном законе способ в качестве элемента состава преступления может быть выражен как:

- обязательный элемент состава преступления;
- факультативный элемент состава преступления — квалифицирующее или отягчающее вину обстоятельство;
- один из вариантов из всей их возможной совокупности;
- через конкурирующие нормы;
- опосредованно и др.

Способ как уголовно-правовая категория выполняет следующие функции:

служит конструктивным составообразующим признаком, ограничивающим преступное поведение от непре-

ступного, т. е. выражает функцию уголовно-правового запрета;

выполняет роль признака для отграничения одного преступления от другого, при разграничении смежных посягательств, преодолении конкуренции составов преступлений при их совокупности;

служит квалифицирующим признаком состава, когда существенно влияет на степень общественной опасности деяния;

учитывается для индивидуализации наказания в пределах санкций статей закона в том случае, если он не предусмотрен в качестве признака основного или квалифицированного состава преступления.

Сопоставление признаков, включенных в состав уголовно-правовой нормы, с криминалистическими признаками способа (деяния) дает возможность выявить их различия и сформулировать основные криминалистические особенности.

Представление о криминалистическом содержании способа формируется на основе материалов судебно-следственной практики, данных массива конкретных уголовных дел, группы однородных преступлений. Детальное описание признаков фактического деяния, как правило, содержится в наиболее подробно составленных постановлениях о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительных заключениях, описательных частях приговоров. Криминалистическое содержание способа формулируется с использованием максимально исчерпывающего перечня вариантов способов их подробной конкретизацией.

Если обратиться к частным методикам, то в них обязательно присутствует раздел, посвященный типичным способам совершения определенной группы преступлений. Он базируется на анализе криминалистической характеристики данного преступления, где способ выступает одним из важнейших ее элементов.

Состав же преступления, ориентированный на обеспечение задач квалификации, самодостаточен без включения в

него большого перечня вариантов признаков всех возможных преступных действий (способов) либо их детализации. Поэтому состав, как правило, выражен в обобщающей, абстрактной форме, без перечисления всей массы разнообразных фактических признаков преступного деяния. Кроме того деяние в диспозиции статьи излагается в предельно краткой форме, что вызывает необходимость в ряде случаев прибегать к юридической терминологии, не вполне ясной для неспециалистов. Неполнота раскрытия содержания признаков состава, закрепленных в законе, выявляемых в ходе правоприменительной практики, компенсируется разъяснениями Верховного суда и судебными решениями. Устранение существенных изъянов состава, выявляемых в ходе его правоприменения, может осуществляться путем принятия законодателем новых редакций статей Уголовного кодекса.

2. СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В МЕХАНИЗМЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗАПРЕТА

Имеется ли объяснение различных подходов при формировании содержания способа совершения преступления? Ответ мы находим, обратившись к основам уголовно-правового запрета, а также к опыту развития российского уголовного законодательства [49, 28].

Различие в характеристиках способа является следствием нескольких факторов.

Во-первых, это обусловлено конкуренцией требований (обобщенности и конкретности), предъявляемых к уголовно-правовой норме.

Во-вторых — генезисом нормы после принятия и внесения корректировок в процессе ее применения.

В-третьих: а) разнообразием исторических причин принятия норм; б) различием норм с точки зрения момента их принятия и достижения необходимых параметров, отвечающих современным потребностям общества и уровню правоприменительной практики органов юстиции.

Рассмотрим подробнее указанные факторы.

Опасные формы поведения людей фиксируются в уголовно-правовых нормах, и соответствующие действия признаются преступными и уголовно наказуемыми. При этом в норме закона формулируются объективные признаки таких поступков людей.

Условно могут быть два пути реализации уголовно-правового запрета — статутный и прецедентный, каждый из которых имеет свои как положительные, так и отрицательные аспекты. Статутный подход исходит из требования формулировать в виде уголовно-правового запрета наиболее общие понятия с целью охватить все возможные варианты деяний определенной группы. Прецедентный характер права, выражающийся в правотворчестве суда, решающего конкретное дело в зависимости от прошлых решений и сориентированный на конкретное деяние, отражает казуистический подход.

Российское право, являющееся по своей сути статутным правом, при формулировании содержания норм руководствуется двумя требованиями, не вполне совместимыми, порождающими конфликт. С одной стороны, диспозиция нормы должна быть достаточно обобщенной и абстрактной, с другой — конкретной и казуистичной.

Какими могут быть последствия недооценки требования обобщенности и конкретности содержания уголовно-правовой нормы? Если норму конструировать казуистично, ориентируя ее только на конкретное деяние, то такая норма не охватит всего круга реальных деяний, объективно представляющих общественную опасность. Тогда, решая задачи криминализации, потребуется принятие множества норм, равное количеству деяний, подлежащих уголовно-правовому запрету. Перечень реальных общественно опасных деяний многочисленен, и поэтому такой путь криминализации не конструктивен.

Веским аргументом в защиту обобщенного и абстрактного содержания уголовно-правовой нормы выступает тот фактор, что такой подход создает условия реализации конституционного принципа предъявления уголовным законом единых требований ко всем гражданам независимо от национальных, социальных, религиозных и прочих различий [28. С. 63].

С другой стороны, нечеткое, приблизительное, излишне абстрактное содержание нормы не обеспечивает достаточных правовых предпосылок ее применения. Такая норма осложняет правильную квалификацию, что может привести либо к необоснованному осуждению лица, деяние которого не является противоправным, либо к затруднениям в привлечении к ответственности виновного лица, действия которого объективно представляют общественную опасность, при выраженной попытке признания этих действий запретными.

Абстрактность состава, его обобщающий характер определяют некоторый формализм юридической нормы. Уголовная ответственность наступает при наличии совокупно-

сти признаков, зафиксированных в норме, при этом не учитываются другие обстоятельства, которые сопровождают деяние и могли бы делать либо целесообразным, либо, наоборот, нецелесообразным привлечение к уголовной ответственности лица, совершившего такое деяние.

При конструировании состава должны максимально использоваться возможности каждого из элементов состава преступления: объекта, субъекта, объективной и субъективной сторон. Такой подход обеспечивает точный подбор совокупных признаков, характеризующих деяние, подлежащее запрету, а также признаков, позволяющих отграничить его от других составов, что необходимо для правильной квалификации.

В юридической литературе отмечается, что задачи криминализации, разграничения преступлений наиболее часто и продуктивно решаются за счет возможностей объективной стороны. Этот элемент состава преступления наиболее полно отражен в диспозициях статей Уголовного кодекса.

В теории уголовного права в качестве основного выразителя объективной стороны рассматривают способ деяния. Способ находится в неразрывной связи и взаимозависимости со всеми элементами состава преступления. Информация о способе действия в ряде случаев позволяет судить о круге объектов преступного посягательства, а подчас и о форме вины [1]. Дело в том, что посягательство на некоторые общественные отношения может быть совершено лишь ограниченным кругом способов и только определенным субъектом. Таким образом, использование возможностей элементов состава, в первую очередь, объективной стороны и ее выразителя — способа совершения преступления, позволяет достигнуть оптимальной конкретизации преступного деяния. Имея возможность точно, через юридически значимые признаки выразить это деяние в норме закона, достигается баланс требований — минимизация конфликта общего и конкретного. Это объясняет включение способа в качестве обязательного признака состава преступления,

определяет специфику конструкции и особенности методов выражения способа в уголовно-правовой норме.

Как происходит правовая регламентация определенной группы общественных отношений, подлежащих уголовно-правовому запрету? Такой процесс может развиваться условно по двум направлениям.

Первое направление начинается с создания норм, предусматривающих более или менее частные случаи. Затем постепенное накопление норм Особенной части приводит к созданию обобщенных формулировок. Однако потом они изменяются или дополняются, наращивается новая система, которая впоследствии вновь может получить обобщенное выражение.

Второе направление начинается с создания норм, предусматривающих обобщенные, абстрактные формулировки, позволяющие охватить большой спектр частных случаев. Затем следует этап определенного казуистического дробления закона на нормы, предусматривающие отдельные случаи и большую степень конкретизации.

Следует отметить, что применительно к новым важным общественным отношениям этот процесс сложен, и в нем могут сочетаться оба направления и множество промежуточных вариантов, реализующих задачи уголовно-правового запрета.

Критерием оптимальности уголовно-правовой нормы является ее практическая применяемость как на момент принятия нормы, так и с учетом более отдаленных, скрытых последствий. В ходе правоприменительной деятельности обнаруживаются, в частности, изъяны с точки зрения возможных методов противодействия органам юстиции стороной, которая подвергается уголовному преследованию. История создания и развития уголовного закона показывает, что большинство норм прошло длительную апробацию, претерпело в ходе применения различные корректировки. В Уголовном кодексе РФ закреплены изменения закона, направленные, в частности, на конкретизацию противоправного деяния, применяются более точные понятия и

достигнуто единообразие их выражения в разных нормах закона.

Если сравнить нормы УК РФ, то виден различный уровень их разработанности. Ряд появившихся впервые норм УК РФ не прошел традиционного пути апробации, позволяющий достичь достаточной оптимальности.

Уязвимыми в плане их практического применения оказались нормы, устанавливающие уголовно-правовой запрет на деяния в сфере экономики и тех областях, которые ранее не подвергались криминализации, либо деяний, ранее отсутствовавших и связанных с процессами, которые только нарождаются и формируются. Примером отмеченной тенденции создания нормы могут служить ст.ст.198, 199, появившиеся в Уголовном кодексе РФ. Федеральным законом от 25 июня 1998 г. в эти статьи были внесены значительные изменения. Законодатель в новой редакции обеих “налоговых” статей отказался от исчерпывающего перечисления уголовно наказуемых способов уклонения от уплаты налогов, допустив, что уклонение любым иным способом образует состав преступления. Это значит, что для привлечения к уголовной ответственности не обязательно, чтобы виновный искажал данные в бухгалтерских документах или налоговой отчетности, каким-либо иным образом скрывал объекты налогообложения. Под указанные статьи подпадают, например, случаи уклонения от уплаты налогов путем незаконного использования различных налоговых льгот, незаконного применения пониженных ставок налогообложения при исчислении налогов и т. п. Однако изменение редакций статей привело к возникновению новых проблем, высказываются предложения о дальнейшей корректировке указанных норм Уголовного кодекса РФ [54. С. 63—67].

Примером области, которая ранее не подвергалась криминализации и только нарождается и формируется, является трансплантология, занимающаяся проблемами пересадки органов и тканей. УК РФ прямо предусматривает в трех статьях ответственность за те или иные правонарушения, допущенные при трансплантации. Речь идет об убийстве (п.

“м” ст. 105), умышленном причинении тяжкого вреда здоровью (п. “ж” ч. 2 ст. 111) и принуждении человека к изъятию органов или тканей для трансплантации (ст. 120 УК РФ). Однако имеются серьезные недостатки конструирования уголовно-правовых норм в сфере трансплантологии. Это связано с тем, что законодателем не были учтены медицинские аспекты данных преступлений [45. С. 52—58].

К подобным нормам можно отнести также область, связанную с информационными технологиями (глава 28 УК РФ — преступления в сфере компьютерной информации) [51].

В теории права отмечается, что совокупность норм Особенной части УК не образует достаточно стройной логической системы. Также указывается на то, что имеют место как определенные пробелы, так и случаи частичного пересечения, дублирования закона. Все это является следствием разнообразия исторических причин принятия норм уголовного законодательства [28].

По нашему мнению, существо изъятий ряда норм УК РФ связано с недостатками формулирования содержания деяния, подлежащего запрету. Можно указать на три вида недостатков.

1. В норме нашел выражение реальный, но частный случай. То есть уголовно-правовая модель преступления не включила в себя обобщенных признаков всех преступлений данной разновидности.

2. Уголовно-правовая модель преступления сформулирована очень приблизительно и не соответствует реальному деянию. На момент принятия нормы не был уяснен механизм совершения деяния, не были вычленены конкретные приемы, операции, способы, позволяющие сформулировать признаки для их включения в состав. В настоящее время появился еще один фактор, связанный с созданием новых уголовно-правовых норм, интегрирующих зарубежные стандарты. Определенная искусственность такой конструкции обусловлена тем, что используются стандарты законодательства стран, находящихся на другом уровне экономи-

ческого и иных условий развития. В ткань российского права монтируются стандарты, являющиеся элементами иных правовых систем и процедур, существенно отличающихся от российских.

3. При бланкетном характере нормы изъян является следствием того, что запрет, выраженный в уголовно-правовой норме, не обеспечен необходимым уровнем отсылочных норм и подзаконных актов, также регламентирующих данную сферу. То есть имеет место отсылка к положениям, находящимся в коллизии между собой (в силу их нечеткости и противоречивости), а также коллизия смысла самого уголовно-правового запрета, выраженного в законе, и системы отсылочных положений. Бланкетная конструкция переносит в уголовно-правовой запрет те проблемы и изъяны, что вытекают из нормы акта, на основании которого устанавливаются признаки состава преступления.

Указанные недостатки процесса криминализации и декриминализации создали уязвимые участки в правовом поле, не защищенные уголовным законом или защищенные недостаточно. Проверка уголовно-правовой нормы на ее практическую применимость показывает, что большая группа общественно опасных деяний выводится из под уголовно-правового запрета в ходе применения методов противодействия, образует в правовом поле так называемые “правовые дыры”.

Обращение к теории квалификации преступлений показывает большую степень разработанности положений, посвященных разграничению состава, определению разграничительных признаков, необходимых для правильной квалификации. В меньшей степени, на наш взгляд, решен вопрос, устанавливающий правила конструирования нового состава в отношении деяний, подлежащих уголовно-правовому запрету.

Категория “способ совершения преступления” наиболее часто используется в механизме уголовно-правового запрета. Он выступает ведущим элементом, посредством которого осуществляется выражение уголовно-правового запрета,

а также достигается оптимальный баланс обобщенности и конкретности, необходимый для применяемости нормы [43. С. 35—41].

3. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПОНИМАНИЕ СТРУКТУРЫ СПОСОБА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Структуру деяния (способа) практически все криминалисты представляют в виде комплекса действий, которые делятся на следующие группы: по подготовке, совершению (исполнению), посткриминальные и по сокрытию. Все перечисленные группы действий входят в предмет криминалистики, являются объектом ее познания.

Уголовно-правовая теория исходит из того, что о способе совершения преступления можно вести речь лишь применительно к стадии исполнения действий, предусмотренных уголовным законом. Поэтому в его уголовно-правовом понимании в способ, как правило, не включаются действия подготовительные, посткриминальные и по сокрытию, так как у них отсутствуют признаки объективной стороны преступления. Приготовительные действия рассматриваются лишь как необходимый акт, обеспечивающий его совершение, но сами действия, непосредственно приводящие к преступному результату, еще отсутствуют. Аналогично отношение к действиям по сокрытию преступления безотносительно к тому, совершены они до, после либо в процессе его осуществления. Они не рассматриваются законодателем в качестве действий, признаваемых преступлением. Не будучи выраженными в норме закона, указанные действия не входят в объективную сторону этого преступления, хотя и могут образовывать состав другого преступления.

То есть из всех возможных криминалистических признаков, характеризующих преступное деяние и реально присутствующих при совершении преступлений, в ранг составообразующих включается лишь их часть. Не являются составообразующими те признаки, которые, по мнению

законодателя, отягощают и усложняют диспозицию нормы, не служат потребностям уголовно-правового запрета. Законодатель исходит из того, что они не образуют новых признаков состава, позволяющих отграничить одно преступление от другого, и тем самым реализовать функцию квалификации.

Подобная оценка имеет, в частности, следующее объяснение. Во многих случаях преступление осуществляется спонтанно, быстротечно, под влиянием аффекта, во время ссоры, в состоянии опьянения, по подстрекательству, под воздействием возникшей криминальной ситуации. Криминологами выделяется также актуально-установочная преступность, которую отличает свернутый механизм преступного поведения, без продуманного плана и перебора вариантов поведения, быстрая реализация уже сформированных установок, когда для этого внезапно возникают удобные условия [26. С. 83].

Кроме того, у большинства правонарушителей-подростков, как правило, отсутствует сложный комплекс действий по подготовке и сокрытию. Не могут планироваться неосторожные преступления, хотя после их исполнения могут производиться действия по его сокрытию. Именно поэтому приготовительные, равно как и действия по сокрытию преступления, в большей части не представлены в диспозициях норм закона.

Одновременно с изменением общих параметров преступности меняются указанные группы действий в сторону увеличения сложности, продуманности, изощренности, интенсификации.

Подготовительные действия, в том числе разработка плана и действия по сокрытию, во многих случаях присутствуют в преступлениях против собственности, в большинстве преступлений в сфере экономики, должностных, политических преступлениях, примерно в трети преступлений против личности [27. С. 97].

Таким образом, можно выделить две крайние позиции. Первая позиция заключается в оценке действий, относя-

щихся к подготовке и сокрытию, как второстепенных по отношению к действиям этапа исполнения объективной стороны преступления. Эта позиция отражает интересы уголовно-правового подхода, реализации функции квалификации.

Вторая позиция учитывает все названные действия. Их установление и использование сведений о них необходимы для более устойчивой и полной доказательственной базы признаков, которые выражены в законе в качестве составообразующих. То есть с точки зрения процесса доказывания логичнее установить всю цепочку совершаемых действий, без каких-либо изъятий, что позволяет дать всем действиям правильную уголовно-правовую оценку.

В настоящее время приготовительные действия применительно к тяжким и особо тяжким преступлениям изменили свой статус, перешли из разряда некриминальных, лишь значимых криминалистически, в группу составообразующих с учетом их характера и степени общественной опасности (ст.ст.15, 30 УК РФ).

Посткриминальное поведение рассматривается в криминалистике в качестве самостоятельной системы действий преступника, входящих в глобальную криминалистически значимую суперсистему преступления [16. С. 81].

Совершив преступление, лицо не прекращает свою деятельность — она может быть направлена на использование результатов, достигнутых преступным путем, сокрытие следов преступления и своего участия в нем, принятие мер к тому, чтобы не быть разоблаченным и не быть привлеченным к уголовной ответственности. На этом этапе происходит, например, “отмывание”, или легализация, преступных доходов. Этот этап может являться одновременно подготовительным к новому преступлению.

Действия по сокрытию могут совершаться на любом этапе — в ходе исполнения, до и после него.

Место сокрытия преступления в общей структуре способа совершения преступления оценивается по-разному. Так, сокрытие рассматривается в качестве самостоятельной ка-

тегории, автономного структурного компонента преступной деятельности. Другая позиция — компромиссная, допускает вариант, при котором сокрытие признается частью способа совершения преступления. Еще одна точка зрения — сокрытие признается самостоятельным компонентом, не являющимся структурным элементом способа — когда сокрытие представлено комплексом смешанных способов, включая более сложные его формы в виде инсценировок, и когда оно не связано единым преступным замыслом с подготовкой и непосредственным исполнением преступного деяния [8. С. 94—100].

Действия по сокрытию могут быть отражены в законе.

Во-первых, это имеет место, когда отдельные действия (бездействие), осуществляемые для сокрытия преступления, образуют самостоятельный состав преступления (должностной подлог, дача взятки и т. д.) [18. С. 98—99]. Такое понимание упомянутых составов, когда они ассоциируются с сокрытием совершения других преступлений, является искусственным. При такой трактовке многие преступления могут быть оценены как совершенные с целью сокрытия другого преступления (например, совершение убийства и др.).

Во-вторых, когда сокрытие прямо указано в тексте нормы закона. С принятием УК РФ 1996 г. эта тенденция проявилась более явно, реально. Появились ст. 174 УК РФ (легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенного незаконным путем); ст. 198 УК РФ (уклонение граждан от уплаты налогов), ст. 199 УК РФ (уклонение от уплаты налогов с организаций), т. е. действия по сокрытию входят в объективную сторону данных преступлений. В таких случаях сокрытие выступает уже не дополнительным компонентом, не составным элементом способа, а самостоятельным способом. Становясь исполнительной стадией, сокрытие само приобретает такие элементы, как подготовительные и маскировочные действия.

Сокрытие преступления имеет большой диапазон и определяется в зависимости от цели, объекта (предмета)

преступления, характера действий, которые могут быть направлены на ликвидацию следов преступления; уклонение от ответственности; маскировку, утаивание, сокрытие факта преступления, сокрытие события преступления, участия в нем субъекта; введение в заблуждение, дезинформацию как лиц, ведущих расследование, так и потерпевших, свидетелей; воспрепятствование расследованию, раскрытию преступления; воспрепятствование установлению истины; воспрепятствование получению данных, информации и (или) выдачу вместо нее ложной информации; воспрепятствование установлению компетентными органами обстоятельств, имеющих значение для предотвращения и расследования преступления [18. С. 64—65].

Кроме упомянутых ряд преступлений сферы экономики, террористической направленности, заказные убийства и другие, как правило, сопровождаются сложным комплексом действий, не совпадающих по времени и местам реализации со стадией исполнения, нередко предусмотренных соответствующим составом УК, но выступающих подготовительными или маскировочными по отношению к основному преступлению.

Обращение к материалам средств массовой информации показывает, что газеты, журналы, телевидение, Internet могут использоваться как средство совершения указанных действий.

Так, применительно к преступлениям сферы экономики средства массовой информации могут использоваться для:

создания представления у потенциальных потерпевших (физических и юридических лиц) о благонадежности лица, его хорошем и стабильном финансовом положении и о выгоды заключения сделок с этим лицом и его фирмой;

создания представления у официальных государственных органов (исполнительной власти, правоохранительных, контролирующих) о законности деятельности лица и его фирмы и реальности заявленных целей и задач по отношению к потенциальным потерпевшим.

Применительно к преступлениям террористической направленности это следующие действия:

формирование общественного мнения через средства массовой информации о гуманном, справедливом характере действий террористов, как вынужденной меры достижения своих интересов (до совершения, в момент и после совершения преступления);

воздействие на выбор контрдействий и сроков их реализации со стороны властных структур и спецподразделений, что облегчает положение террористов;

воздействие на представителей властных структур, ведущих переговоры с террористами, с целью максимального достижения своих целей (получение материальных ценностей, транспорта, оружия, освобождение сообщников и т.п.).

Как метод противодействия расследованию широкое распространение получило помещение в средствах массовой информации сведений дискредитирующего характера против конкретных работников, в чьем производстве находится уголовное дело, — о нарушении конституционных прав граждан, законов, регламентирующих деятельность различных правоохранительных органов, сведений, касающихся личной жизни сотрудников правоохранительных органов и членов их семей. Цель такого противодействия — сформировать негативное общественное мнение о правоохранительных органах и о конкретных работниках. Работник, чье имя упоминается в соответствующем контексте, начинает чувствовать себя некомфортно, психологически неустойчиво, что может привести к снижению эффективности его работы, психическим срывам.

Необходимо сказать об еще одном аспекте. Работник, будучи втянутым в конфликт и прибегая к законным методам по защите своей чести и достоинства, становится лицом заинтересованным и обязано устраниваться от участия в деле. Сторона обвинения очень широко и изощренно использует приемы по дискредитации и формирует общественное мнение в своих интересах.

Имеют место случаи, когда преступник использует СМИ для того, чтобы ввести следствие в заблуждение. Примером может служить нашумевшее дело Г. Михасевича об убийствах женщин в Белоруссии (так называемое “витебское дело”). Когда круг поиска преступника сузился, Михасевич направил анонимное письмо в редакцию газеты “Витебский рабочий” с целью отвести от себя подозрение.

Иногда преступники используют средства массовой информации при вступлении в “игру” с правоохрнительными органами. Так, из материалов уголовного дела сексуального маньяка Сибирякова следует, что на момент проведения активных оперативно-розыскных мероприятий по поиску преступника Сибиряков направил анонимное письмо в правоохрнительные органы. В этом письме он сообщил, что в обмен на деньги и пистолет готов предоставить информацию о преступнике, совершившем серию убийств женщин, и указал, что согласие оперативные службы должны дать в зашифрованном виде в передаче “600 секунд”. Правоохрнительные органы пошли на предложенные контакты, что позволило задержать Сибирякова.

Таким образом, криминалистическая трактовка способа обязательно включает действия по подготовке и сокрытию в структуру способа либо в определенных ситуациях признает их самостоятельным способом со своей структурой. Подобное криминалистическое понимание обуславливается потребностями раскрытия и расследования преступлений, используется в процессе доказательной деятельности.

Криминалисты солидарны с криминологами в том, что необходимо исследовать деяния вне рамок, фиксированных законом. Хотя закон четко определяет границы преступного и тем самым задает границы криминологических и криминалистических интересов, но объект внимания должен быть шире. Такой подход позволяет, во-первых, обнаружить изменение форм общественно опасного поведения, в новых условиях, во-вторых, с учетом того, что представления о преступном и не преступном меняются, такие разработки обеспечивают задел на случай изменения закона. Это

дает возможность инициировать уголовный закон, чтобы он был криминологически и криминалистически обусловлен, т. е. учитывал фактические формы общественно опасного поведения, на которые должна ориентироваться борьба с преступностью, действуя на опережение [26. С. 22—23].

Криминалистическое понимание преступного деяния — способа предполагает наличие в его основе строгой структуры, отражающей последовательный характер поведенческих актов, учитывающей также обстановку, средства и орудия совершения преступления. Криминалистическое понимание отражает динамику осуществления целенаправленных актов поведения, которые выстраиваются в цепочку: действий, операций, приемов, движений. Имеется конечная цель преступного намерения, а также промежуточные цели. Достижение конкретной промежуточной цели образует определенный этап (стадию) системы поведенческих актов. Именно поэтому для большинства видов преступлений наиболее характерна в структуре способа последовательность типичных действий лица, сгруппированных поэтапно. Каждому этапу присущ предельно конкретизированный перечень типичных действий.

Проиллюстрируем отмеченную особенность на примере нескольких видов преступлений.

Применительно к квартирным кражам может быть предложена следующая структура способа их совершения, состоящая из максимально возможного перечня типичных действий виновного лица, сгруппированных в семь последовательных стадий.

1. Возникновение преступного умысла на совершение кражи и его проявление вовне.

2. Подготовка к совершению преступления.

3. Действия, непосредственно предшествующие проникновению в помещение (хранилище).

4. Проникновение в хранилище и действия внутри:
преодоление преград, включая приемы взлома запорных устройств и т.д.;

запирание входной двери изнутри на замок, задвижку, защелку, крючок;

поиск ценностей;
отбор ценностей для их завладения, упаковка похищенного;

совершение действий, не связанных непосредственно с завладением ценностями (курение, прием пищи, спиртного, наркотиков, отдых, отправление естественных надобностей, нанесение надписей и т. п.).

На данном этапе совершается наибольшее число разнообразных действий, отражающихся в соответствующей системе следов на месте происшествия, которые могут быть обнаружены в ходе осмотра. Данный этап является наиболее информативным в плане получения доказательственной базы.

5. Уход с места преступления и транспортировка похищенного.

6. Распоряжение похищенным (потребление и сбыт).

7. Сокрытие преступником следов преступления и своей причастности к деянию. Действия по сокрытию выполняются преимущественно после завладения ценностями, но могут совершаться и на других стадиях, в том числе на стадии подготовки преступления, а также в период предварительного расследования и рассмотрения дела в суде [42].

У вымогательств своя система типичных поведенческих актов, которые могут группироваться в следующую структуру:

1. Подготовка к совершению преступления.

2. Действия, обеспечивающие возможность впоследствии предъявить имущественные требования к жертве.

3. Вступление в контакт (непосредственно, по телефону, письменно) с предполагаемой жертвой с целью высказывания требований о передаче материальных ценностей, условий передачи, угроз.

4. Действия, направленные на запугивание жертвы.

5. Действия вымогателей после совершения преступления.

6. Сокрытие следов преступления и своей причастности к его совершению [44].

Сексуально-садистские убийства совершаются, проходя последовательно следующие этапы:

1. Возникновение преступного умысла.
2. Подготовка к совершению преступления.
3. Сближение с жертвой, вступление с нею в психологический контакт.
4. Подавление сопротивления жертвы, приведение ее в беспомощное состояние.
5. Реализация извращенных сексуально-садистских наклонностей.
6. Маскировка и сокрытие следов преступления.
7. Действия виновного после совершения преступления [2].

Применительно к заказным убийствам это следующая структура:

1. Подготовка к совершению преступления:
предварительная разработка схемы устранения жертвы;
поиск наемника;
разработка схемы контакта между заказчиком и наемником;
формулирование задания и определение условий контракта с наемником.
2. Система действий исполнителя по подготовке совершения убийства:
изучение личности жертвы и ее образа жизни;
составление плана преступных действий;
подготовка орудий преступления;
подготовка легенды, облегчающей маскировку преступления;
подготовка атрибутов, соответствующих избранной легенде (паспорт, гражданство, профессия, внешность, одежда, обувь и др.);
подготовка ложного алиби, маскировки преступления и своего участия в нем.
3. Действия, непосредственно предшествующие убийству.
4. Действия, связанные с физическим уничтожением жертвы.

5. Уход с места преступления.
6. Соккрытие убийцей следов преступления и своей причастности к нему.
7. Получение вознаграждения.
8. Действия виновного после совершения преступления.

Обобщение следственной и судебной практики, анализ возможных криминальных ситуаций совершения заказных убийств позволяют также классифицировать типичные действия, разграничив их: на бытовой почве; на экономический почве; совершенные в ходе раздела и перераспределения сфер преступного влияния. С учетом каждого из перечисленных типов содержательная сторона действий имеет свои особенности [41].

Как показал анализ следственной и судебной практики, проведенный А. М. Кустовым, формирование механизма террористической преступной деятельности осуществляется в три этапа, включающих типичные действия.

Начальный этап формируется из следующих поведенческих актов, действий, элементов: постановка программной цели совершения акта терроризма политико-идеологического или национально-шовинистического характера; подбор и принятие в террористическую организацию бойцов, исполнителей, пособников, создание организованной преступной группы; разработка плана дальнейшей деятельности (отражение в плане мотивов, целей, сроков и средств реализации, а также исполнителей, приемов конспирации); совершение корыстно-насильственных преступлений с целью получения денежных и технических средств для финансирования и технического оснащения преступной деятельности; определение объектов преступного террористического посягательства, т. е. лиц, в отношении которых планируется осуществление актов террора, мест наибольшего скопления людей, где также могут совершаться террористические акты; определение и приискание технических средств осуществления террористических актов; определение места и времени осуществления акта терроризма; определение приемов и направлений отхода с места

совершения террористического акта; реализация механизма регенерации (восстановления) функции и кадрового состава криминальных звеньев, потерявших некоторую или значительную часть своих членов в ходе подготовки к осуществлению актов терроризма; выработка норм поведения в сфере взаимоотношений членов такой группы между собой и с окружающим миром; ознакомление с этими правилами всех членов группы, закрепление факта согласия с этими правилами через клятву, дачу расписки или иной ритуал; сокрытие следов подготовительной деятельности группы; организация и осуществление побегов из мест отбывания наказания лиц, являющихся наиболее активными членами террористической группы, участие которых запланировано в проведении террористических актов; внедрение членов преступной группы на объекты планируемых актов терроризма; формирование связей между обособленными группами; оптимизация и упрочение этих связей.

Основной этап состоит из следующих действий и элементов: прибытие на место запланированного преступления; ознакомление со сложившейся на данный момент обстановкой; уточнение ролевых функций и распределение членов группы по местам дислокации; корректировка плана дальнейших действий членов группы; открытое совершение террористического акта (актов) — взрыв, поджог, убийство или иное действие, создающее опасность наступления тяжких последствий; захват заложников или вступление в боевые действия с представителями правоохранительных органов и (или) специальных служб; выдвижение (передача) согласованных с заказчиком требований политико-идеологического или национально-шовинистического характера; осуществление переговоров с представителями властных структур, после чего имеют место освобождение заложников; сокрытие следов преступной деятельности на месте совершения террористического акта (осуществляется крайне редко).

Заключительный этап формируется из следующего: уход с места совершения террористического акта с быстрым переодеванием; сокрытие или уничтожение использован-

ной одежды и орудий преступления; уничтожение (в исключительных случаях) заложников, используемых ранее похищенных автомашин и другой техники; выезд (вылет) по заранее приобретенным билетам за границу или в другую местность (используются поддельные документы); осуществление действий по противодействию расследованию уголовных дел в отношении задержанных членов преступной группы; восстановление кадрового потенциала террористической группы для совершения новых заказных актов терроризма [33. С. 39—41].

Для ряда преступлений структура способа имеет иную систему критериев, определяемых спецификой обстановки, в которой они совершаются. Для таких видов преступления, как хищения в промышленности, строительстве, кражи грузов на транспорте и других, характерны жесткие рамки обстановки, обусловленные особенностями организационной структуры предприятия, производственного и технологического процесса, содержанием операций с ценностями, включая установленные правила учета, контроля за их движением, фиксации результатов в бухгалтерских и банковских документах (в том числе на электронных носителях), полномочиями лиц, выполняющих обязанности по их сохранности и перемещению.

В этом плане совершение ряда новых преступлений приносит все больше особенностей в их реализацию в силу более сложного характера обстановки. Так, общественно опасные деяния, направленные на легализацию доходов, полученных незаконным путем, обусловлены специфической структурой, особенностями деятельности таких финансовых институтов государства, как: Центральный банк России, Министерство финансов, Министерство экономики, ФКЦБ, Федеральная служба по валютно-экспортному контролю и другие, а также практикой деятельности правоохранительных и контролирующих органов (МВД, МЧС, ГТК, ФСНП и др.).

Особенности обстановки функционирования указанных органов влияют на выбор объектов посягательства, схемы и технологий реализации преступного намерения, способов

подготовки, средств, орудий преступления, способов завладения ценностями, места, времени, способов маскировки и противодействия контролирующим и правоохранительным органам и др.

Для уголовно-правовой оценки указанные особенности значения не имеют.

4. КАЧЕСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СПОСОБА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Криминалистический аспект позволяет учитывать качественную составляющую деяний, совершаемых виновным лицом. Анализ установления поведенческих актов по следам-последствиям и использования информации о них в процессе доказательственной деятельности по изобличению преступников, включая и последующую правовую оценку, позволяет выделить три группы таких действий, отличных по своему криминальному рейтингу.

1. Акты поведения, которые находятся как бы вне границ исполнения собственно преступных действий, а потому являются спорными с точки зрения признания их в качестве преступных. Они могут быть названы поведенческими актами с минимально или с неявно выраженной криминальной направленностью. Более того, будучи вырванными из контекста последовательных, логически взаимообусловленных актов поведения с единой конечной преступной целью, они могут трактоваться как некриминальные, не противоречащие закону. Перечень подобных действий и приемов, включаемых криминалистами в структуру способа, довольно обширен и по своему содержанию различен.

Например, применительно к кражам к таким спорным действием можно отнести: изучение помещения, которое может стать местом совершения преступления; действия, совершаемые внутри хранилища, не связанные с завладением ценностями; действия, связанные с уходом с места преступления, транспортировкой похищенного, и др.

Действия аналогичной направленности совершаются также в ситуации благоприятной обстановки, позволяющей без особой подготовки реализовать свой преступный умысел. Применительно к кражам такую направленность имеют действия, когда они совершаются либо по внезапно возникшему умыслу, либо подготовка в том и заключается,

что преступник ищет благоприятную обстановку для проникновения в помещение и завладения ценностями.

Например, преступник ходит по домам в поисках квартиры, запорные устройства входной двери которой он может открыть, или хозяева проявляют небрежность — оставляют ключи в доступном месте. Аналогичная ситуация с кражами в магазине: преступник ходит по торговому залу, выбирая момент, когда за ним не наблюдают, и незаметно для работников магазина завладевает ценностями. При этом лицо, даже застигнутое с поличным, трудно изобличить в преступном умысле, так как его действия и намерения замаскированы под некриминальные.

По нашему мнению, все акты поведения, если они логически взаимосвязаны, дополняют друг друга, объединены единым замыслом, находятся в единой системе — в границах преступного деяния. При таком подходе все акты поведения, независимо от разновеликости их криминального рейтинга, следует признавать криминальными.

Для правильной оценки спорных актов поведения могут быть применены положения теории судебных доказательств, делящей все доказательства на прямые и косвенные. Природа содержания “спорных” действий и их оценки в совокупности с другими актами поведения имеет аналогию с содержанием и оценкой косвенных доказательств.

2. Поведенческим актам с минимально выраженной криминальной направленностью противостоит специфическая группа, которую можно назвать криминально-интенсивными действиями. Такие действия, как правило, можно встретить в преступлениях, носящих серийный, повторяющийся, длящийся характер, они присутствуют также в преступлениях террористической направленности, заказных убийствах и ряде других.

Криминалисты прошлого выделили ряд существенных особенностей совершения однородных поведенческих актов и выявления на их основе особых криминалистических признаков. В кражах и в ряде других преступлений — мошенничестве, разбойных нападениях и иных корыстных

деяниях проявляются своего рода “квалификация” и “специализация” преступников.

Известный русский криминалист начала XX в. В. Лебедев отмечал, что “профессиональный вор старается специализироваться. Он особенно охотно направляет свои действия на одинаковый род предметов и в исполнении краж часто тождественен до мельчайших подробностей, с одной стороны, потому что это более соответствует его способностям и наклонностям, с другой — такое постоянство в одинаковой деятельности может повести к достижению наибольшей ловкости и совершенства” [35. С. 147].

Профессиональные воры — самая многочисленная категория преступников, которая дифференцировалась на множество различных “специалистов” в зависимости от объекта, предметов противоправных посягательств и способов проникновения. Имелись такие специалисты, как похитители денег из сейфов, железнодорожные воры, похитители грузов, карманные, гостиничные, магазинные, квартирные воры, конокрады и др. Учет и изучение специализации воров велся как учеными, так и практиками. В частности, по данным Московского уголовного розыска в 30-х годах было зарегистрировано 19 основных воровских специальностей.

Совершенно очевидно, что установить, задержать и изобличить преступника, специализирующегося на совершении определенного вида преступления, а потому обладающего криминальной квалификацией, очень сложно.

Серийный характер краж формирует целый ряд особенностей и признаков: специализация, выработка преступных навыков и привычек.

Виды специализации преступника определяются исходя из:

- способа совершения кражи;
- предметов хищения (антиквариат, наркотики, автозапчасти, радиоэлектронная аппаратура и др.);
- места совершения кражи (дом, квартира, государственное учреждение, общественный транспорт, вокзал и т.д.);

характера хранилища, его охраны (склад, охраняемый стрелком ВОХР; наличие системы охранной сигнализации и т.п.).

Когда говорят о разновидности кражи, то при этом исходят из той или иной специализации. В настоящее время наиболее распространены такие разновидности, как квартирные кражи; кражи грузов на транспорте (железнодорожном, воздушном, водном); кражи автомашин и автодеталей; карманные кражи; кражи государственного и общественного имущества из магазинов, хранилищ, предприятий, учреждений; кражи в гостиницах и общежитиях; кражи из автоматических камер хранения, расположенных на станциях железной дороги, автотранспорта, в аэропорте; кражи личного имущества на транспорте (в купе, на платформе, станции, вокзале) и др.

При серийном совершении краж вырабатываются преступные навыки. Ряд из них базируется на профессиональных знаниях и связан с владением определенными инструментами или умением выполнять определенные технологические операции, например, навыки в слесарном деле, в частности, в открывании и запираии замков без видимых нарушений их целостности, умение произвести газорезку и т.п. Одни навыки связаны с действиями лица при осуществлении доступа к ценностям и их завладения, другие — с поведением в экстремальной ситуации, в частности, умение быстро ориентироваться, маскироваться, скрываться от преследования и т.п. Могут быть выделены навыки поведения (точнее, противодействия) в ходе допроса, при предъявлении вещественных доказательств, проведении опознания, очной ставки и т. п. Определенная часть представителей общекриминального профессионализма периодически проверяется правоохранительными органами через систему административного надзора, криминального учета по месту жительства либо в связи с процедурой раскрытия какого-либо преступления. В связи с этим может быть выделена группа знаний и навыков по противодействию работе правоохранительных органов.

Перечисленные навыки являются основой криминального профессионализма, организованной преступной деятельности [15,16]. Раз удавшийся воровской прием со временем становится привычным, будучи многократно повторен — доводится до автоматизма. Карманный вор, чтобы не потерять “квалификацию”, должен совершить в месяц до 25 краж, в дни активных преступных действий — до 10—15.

Высокий криминальный рейтинг указанных действий обусловлен тщательной подготовкой, маскировкой под некриминальные действия, динамикой исполнения, привнесением в их совершение высокопрофессиональных навыков, в том числе приобретенных субъектами в предшествующей деятельности, и использовании достижений научно-технического прогресса. При серийном (повторяе-мом) характере происходит укрепление стереотипов преступного поведения.

Таким образом, криминальные интенсивные поведенческие акты широко представлены и порождены криминальным профессионализмом.

Наличие таких навыков позволяет виновному лицу совершать серию преступлений, многоэпизодные преступления, не будучи выявленным.

Криминальный профессионализм является основой возникновения и существования организованной преступности. Она заключается в запланированности, предумышленности, предварительной подготовке, владении способами маскировки под некриминальные действия, использовании для криминальных действий удобных условий, иногда создание таких условий искусственно.

Организованную преступность отличает ее групповой характер. При выполнении участниками группы определенных ролевых функций в результате объединения коллективных усилий появляются новые свойства, которые также повышают криминальный рейтинг их действий. Например, в кражах возникают такие условия, ситуации, требующие действий, которые невозможно совершить в одиночку, без посторонней помощи, без одновременных

действий нескольких лиц, выполнение каких-либо действий в одно и то же время, но в разных местах. Группа вырабатывает план, согласованно решает при его реализации возникающие проблемы, внося соответствующие коррективы.

Нами в ходе исследований обобщен типичный перечень ролевых функций участников группы, специализирующейся на совершении серийных краж:

- изучение места, откуда намечается произвести кражу, осуществление разведки;

- сбыт краденого;

- открытие запирающего устройства (замка) без нарушения его целостности либо открытие сложной системы запирающих устройств; отключение охранной сигнализации, открытие сейфа;

- поиск и отбор в ходе кражи наиболее ценных вещей;

- наблюдение за местом преступления со стороны, подача в случае необходимости сигнала тревоги соучастникам, находящимся внутри помещения;

- хранение похищенного имущества;

- изменение внешнего вида вещей, их индивидуальных признаков и т.п.;

- изготовление инструментов, орудий преступления (ключей, отмычек, “фомок”);

- подделка и изготовление документов;

- отвлечение внимания хозяина ценностей и иных возможных очевидцев кражи.

Каждый из участников группы, как правило, выполняет одну или несколько ролевых функций. Причем роли могут выполняться одним и тем же лицом на всех этапах преступления, либо на каком-либо одном из них (подготовки, исполнении, сокрытии, посткриминальном), либо в решении какой-либо определенной цели. Существовало “воровское” правило, согласно которому разведка, изъятие ценностей, сбыт краденого не могут совершаться одним и тем же лицом.

По мере возникновения и развития межрайонных, межгородских связей преступного элемента появилась новая, более законспирированная схема распределения ролей, существенно затрудняющая раскрытие преступления. Указанная схема заключается в следующем: определение объекта посягательства, сбор сведений, необходимых для реализации преступных намерений, осуществляется местными жителями, само же исполнение преступления — проникновение, завладение ценностями, их сбыт и т. п. — совершается “гастролерами”, прибывшими из другого района. Преступники-“гастролеры” “вливаются” в уже действующую местную группу с тем, чтобы еще больше обезопасить подготовку совершения и сокрытия преступления.

Следует также указать на такие роли, как держатель казны, третейский судья, сборщик информации (например, о сотрудниках милиции), которые не связаны с действиями, входящими в объективную сторону состава преступления. Выполнение указанных функций направленно на консолидацию преступной группы. Выполнение их вначале сопровождало, как правило, совершение краж, серийных грабежей и т.п., потом же стало признаком организованной преступности в целом.

Несколько в ином плане происходят процессы применительно к группам, специализирующимся на вымогательстве. Изложим отдельные положения проведенного нами исследования.

Вымогательству присущи групповой характер и серийность совершения преступлений, специализация преступной деятельности, высокая степень организованности и криминального профессионализма.

Численность группы различна — от двух—трех человек до нескольких десятков и более. Большая численность группы обуславливает более сложную ее структуру, дробление по ролевым функциям ее участников, по специализации преступной деятельности. В период формирования группы налаживаются связи между ее участниками, оттачиваются преступные навыки, проявляются ролевые функ-

ции, определяется вид специализации группы. Проверка деловых качеств членов группы осуществляется в ходе совершения краж, грабежей и других преступлений.

Среди вымогателей имеются ранее судимые и так называемые “воры в законе”, выполняющие, как правило, режиссерские функции. Требования воровского закона представляют собой совокупность определенных устоявшихся норм поведения членов сообщества, направленных на его укрепление и сохранение.

Вливаясь в данный вид преступлений, “воры в законе” и преступники иных “специальностей” вносят свой образ и способы действий (навыки, правила взаимоотношений, принципы организации) в новые преступные структуры.

Следственной практике известно следующее организационное построение группы вымогателей и распределение ролей между ее участниками:

- руководитель группы;

- советники, помощники, связные;

- лица, осуществляющие поиск возможных жертв для вымогательства, сбор информации о них, изучение обстановки при подготовке преступной операции;

- группа прикрытия — лица, обязанностью которых является защита вымогателей при возможности их разоблачения и задержания, как правило, с момента, когда они попали в поле зрения правоохранительных органов. В этих группах возможно участие работников правоохранительных органов либо лиц, ранее работавших в них;

- сборщики “дани”, “налогов”;

- боевики, выполняющие задачи по запугиванию, избеганию, истязанию, применению иных насильственных действий в отношении потерпевших, а также действия по уничтожению, повреждению имущества или его захвату, захвату заложников, похищению людей и т.п. Боевики участвуют в “разборках”, возникающих между соперничающими группами;

- лица, осуществляющие по предварительной договоренности связь с аналогичными преступными формированиями в данном и других регионах;

лица, занимающиеся подделкой и изготовлением документов, различных инструментов, орудий преступлений, специалисты по радиосвязи и автотранспорту и т.п.;

держатель казны, “общака”;

третейский судья по урегулированию конфликтов между вымогателем и потерпевшим, между различными преступными группировками, по выработке приемлемых условий разрешения конфликта.

При проведении конкретной преступной операции в каждом случае определяются роли ее участников [44].

Для преступлений, совершенных в группе, криминалистически значимым будет установление следующих обстоятельств:

а) какую долю общественно опасного деяния исполнило лицо, входящее в группу;

б) в каких следах — доказательствах эти действия отразились в окружающей среде;

в) насколько исполненные действия участника группы находят выражение в конкретном составе УК.

Коллективные усилия челнов группы, дополняющих друг друга, направленные на достижение единой конечной преступной цели, должны учитываться в процессе доказывания. Так, применительно к производству осмотра места происшествия криминалистически важным (для раскрытия и изобличения виновного лица) является установление, во-первых, пребывания на этом месте в момент совершения преступления конкретного лица/лиц; во-вторых, определение характера исполненных им/ими действий среди действий других лиц, повлекших общественно опасный результат, а также причинную связь между его действиями и наступившими последствиями.

3. Поведенческие акты универсального характера. Изменение целей и мотивов преступлений, логика криминального поведения его субъектов определяют новые признаки преступности. Появившиеся криминальные организации развиваются, в них создаются специальные структуры и выделяются управленческие подразделения, обеспечиваю-

щие их специфические потребности: системы собственной безопасности от возможного разоблачения; подразделения, обеспечивающие разведывательную и контрразведывательную информацию, воздействие на опасных либо необходимых для сотрудничества лиц; аналитические подразделения; подразделения, занимающиеся легализацией преступных доходов, и др.

Следует указать еще на одно обстоятельство. Преступность быстро реагирует на изменения условий, которые влияют на ее результативность: на появление каких-либо новых объектов посягательства, размеры преступных доходов, степень риска быть привлеченным к уголовной ответственности, что проявляется в специализации и выборе способа совершения преступления.

Так, в 80—90-е годы XX в. отмечалась переориентация значительной части преступных элементов на совершение квартирных краж, тенденция на специализацию воров, нацеленность их интересов на совершение этой категории преступлений. (В указанный период уголовные дела о кражах личного имущества по количеству занимали первое место среди всех категорий уголовных дел, направляемых в суд.) В 90-е годы резко возрастает совершение вымогательств. В настоящее время очень высока доля разбойных нападений, совершаемых на улицах, в парках, подъездах домов. Их жертвами преимущественно становятся пожилые люди, женщины, подростки, т. е. лица, не могущие оказать должного сопротивления преступникам. Среди субъектов совершения квартирных краж и разбойных нападений велика доля наркоманов [22. С. 129—132].

Пониманию поведенческих актов универсального характера способствуют исследования, посвященные организованной преступной деятельности, в том числе разработки одного из ее компонентов — базового элемента. В. И. Куликов трактует “базовый элемент” как постепенно сложившийся или избранный преступным сообществом из числа доступных, безопасных или материально выгодных в определенный период времени основной способ достижения

преступных целей (обогащения, приобретения власти над людьми), включающий в себя один или несколько близких по сути взаимосвязанных преступных деяний, зафиксированных Уголовным кодексом [29. С. 39 и др.].

В контексте рассмотрения действий универсального характера важен вывод о том, что организованная преступность использует и приспосабливает все негативные стороны в сферах экономики, управления, хозяйствования, политической системы к достижению своих антиобщественных интересов, существует за счет институтов уголовщины, ее апробированных методик совершения преступлений и сокрытия следов, а также принципов внутренних взаимоотношений людей с криминальным прошлым. Организованная преступность приобретает свойства криминального бизнеса, постепенно монополизует большинство известных практике преступлений. При этом положение усугубляется тем, что организованная преступность имеет целый ряд составляющих, которые хотя и определяют в известной степени конкретные преступления, но в уголовно-правовом смысле не принадлежат к ним. Интересен анализ технической оснащенности организованных преступных групп, которая также вносит элементы универсальности. Как правило, у разоблаченных правоохранительными органами таких групп кроме транспортных средств изымается автоматическое оружие иностранного производства, средства связи с достаточно большим радиусом действия, аппаратура, предназначенная для подслушивания и слежения [29. С. 36—41].

Позиция В. И. Куликова может быть уточнена и дополнена при рассмотрении поведенческих актов универсального характера вне границ, устанавливаемых законом, не через содержание уголовно-правовой нормы, а через анализ фактических действий (способов), используемых виновными лицами. А именно: путем выделения из совокупности действий, совершаемых безотносительно состава преступления, независимо от их правовой квалификации, имеющих по этой причине как бы сквозной, универсальный характер.

Переориентация преступников в достижении антиобщественных интересов приводит к интеграции организованной преступности. Преступность мимикрирует, приспосабливается к новым условиям. На этом фоне и происходит формирование криминальных действий универсального содержания, когда субъектами приносятся в совершение новых преступлений прежние знания, опыт, навыки.

Организованная преступность испытывает на себе влияние различных факторов: международный и региональный опыт, этнические особенности субъектов, опыт различных преступных специальностей и специализации, новые средства совершения преступления и др.

Анализ организованной преступной деятельности указывает на такое явление, как ее эволюция, которая проявляется в следующем:

а) преступное сообщество по мере накопления сил, финансовых и иных средств, опыта переходит к совершению в качестве базового элемента все более сложных доходных и безопасных преступлений;

б) преступное сообщество в полном составе или его часть занимается совершением двух и более видов базовых преступлений;

в) преступное сообщество в прежнем или обновленном после арестов и осуждения части соучастников составе возвращается к совершению преступлений, бывших базовыми ранее.

Так, по одному из изученных уголовных дел организованная преступная группа в составе сначала четырех, а затем и семи человек на протяжении полутора лет занималась кражами запчастей, личных вещей и радиотехники из автомобилей, оставленных на стоянках, затем угонами автомобилей с целью сбыта по заказу определенных людей. После раскола группы вследствие конфликтов при дележе похищенной часть группы вплоть до ее разоблачения правоохранительными органами пыталась наладить скупку и перепродажу ворованных с АЗЛК запчастей [29. С. 47—48]. Данный пример характерен для организованной преступной

группы в контексте рассматриваемого нами вопроса и иллюстрирует наличие поведенческих актов универсального характера.

Некоторые поведенческие акты универсального характера находят выражение в составе преступления. Ряд одинаковых способов законодатель указывает применительно к разным составам. Так, для убийств, телесных повреждений, изнасилований, грабежей, разбоев, вымогательств, принуждений к совершению сделки и других видов преступлений характерен насильственный способ действий, для мошенничества, незаконного получения кредита, злоупотреблений при выпуске ценных бумаг, контрабанде и других — обман.

В. Н. Кудрявцев указывает на важную особенность, связанную с предусмотренными в уголовном законодательстве способами совершения преступлений, — на их ограниченный перечень и определенную универсальность. Наиболее распространены из них следующие:

насилие над личностью (ст.ст. 105—120, 126—128, 131—133, 148, 149, 152, 205, 206, 209, 212, 213, 227, 277, 279, 282, 285, 286, 295, 296, 317—319, 321, 333—336, 357, 360 и др.);

завладение имуществом (ст.ст. 158—166, 170—177, 211, 222, 226, 228, 229 и др.);

порча и уничтожение имущества (ст.ст. 167, 168, 214, 243, 250—252, 254, 260—262, 266, 267, 281, 346, 347, 348, 358 и др.);

обман, в том числе подлог (ст.ст. 142, 150, 186, 187, 188, 195—197, 200, 292, 324, 326, 327, 339 и др.);

использование служебного положения (ст.ст. 185, 201—203, 283, 285, 286, 290, 299—302, 304, 305 и др.);

нарушение технических и иных правил (ст.ст. 123, 143, 180, 181, 192, 215—220, 224, 236, 246—249, 255—258, 263—265, 268, 269, 271, 274, 340—344, 349—352 и др.).

В. Н. Кудрявцев отмечает, что если суммировать и группировать противоправные способы достижения целей, можно указать на следующие основные их категории:

а) действия помимо существующих в обществе социальных институтов и вопреки им (насилие, похищение имущества и т. д.);

б) действия в обход социальных институтов (обман, уклонение от обязанностей и ответственности);

в) попытки использовать социальные институты в своих целях (должностные злоупотребления, взяточничество и др.). Сюда можно отнести также лоббирование с целью принятия таких юридических норм (законов, постановлений), которые выгодны преступникам.

Не изучен вопрос о том, как изменялось соотношение этих групп в ходе исторического развития, но, думается, что сейчас в нашей стране наблюдается тенденция роста группы последней из названных групп. Это связано с ослаблением социального контроля, да и правоохранительной системы в целом, распространением коррупции в госаппарате [27. С. 110— 111].

Поведенческие акты универсального характера могут реализовываться как основные цели, зафиксированные в законе, так и дополнительные (вспомогательные) цели исполнения действий, находящихся вне уголовно-правовых границ. Дополнительные цели достигаются совершением действий как с минимальным криминальным рейтингом, так и интенсивно-криминальных.

В формировании действий универсального характера лежат следующие обстоятельства: возрастающая организованность преступности, профессионализм, интеллектуальность, способность мимикрировать в выгодные для себя сферы деятельности, заполнять свободные от контроля ниши, меняя при этом вид преступной специализации; техническая оснащенность, повышение самозащиты.

Перечень таких действий, носящих как бы сквозной характер безотносительно составов преступления (независимо от их правовой квалификации), достаточно обширен. Их можно условно разделить на несколько групп, критерии выделения которых следующие:

1) наиболее эффективный способ достижения преступных целей;

2) подготовка к совершению преступления и его сокрытие;

3) направленные действия по консолидации преступной группировки;

4) противодействие расследованию и судебному рассмотрению;

5) использование одних средств совершения преступлений — орудий в их широком понимании.

Знание и учет криминалистических признаков действий всех категорий, совершаемых преступником, позволяет:

обеспечить обнаружение и сбор доказательственной информации;

использовать признаки действий для идентификации аналогичных преступлений и на их основе объединять разрозненные эпизоды совершенной серии преступлений;

проверять, причастны ли заподозренные лица к совершению определенных преступных действий, использованию характерных способов и средств, выполнению ролевых функций;

в случаях бесперспективности отработки традиционных действий, оставляющих, как правило, разнообразные и яркие следы, обеспечивающие доказательственную базу, использовать знания об иных действиях (в том числе с неявно выраженной криминальной направленностью), входящих в структуру преступного деяния;

использовать в тактических целях признаки поведенческих актов, находящихся вне рамок основного преступного деяния и отстоящих от основного деяния во времени (например, по противодействию, выполняемых, как правило, в период расследования и судебного рассмотрения дела).

5. СООТНОШЕНИЕ СПОСОБА И ЦЕЛЕЙ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В теории уголовного права отмечается, что в способе условно можно выделить две образующие его стороны: внешнюю (физическую, исполнительную) и внутреннюю (психологическую, волевою). Способ, как и само деяние, немислим без волевого содержания, мотивов и целей, которые порождают и направляют преступление. В свою очередь постановка целей всегда связана с определением способов и средств ее осуществления, т. е. для преступника способ является средством достижения соответствующей цели.

Вина, мотив, цель, эмоции характеризуют психическую, внутреннюю сущность преступления, являясь признаками его субъективной стороны, представляющей психическое отношение лица к совершенному им общественно опасному деянию. Мотив и цель являются парной категорией, имеют много общего. Отличие цели от мотива преступления в том, что цель определяет направленность действий, представление о результатах, к достижению которых лицо стремится, мотив же — это то, чем руководствовалось лицо, совершая преступление [59. С. 209—214]. В структуре действия выделяются процессы, подчиняющиеся сознательным целям, и операции — способы осуществления действий, которые непосредственно зависят от объективно-предметных условий достижения конкретной цели. Такими условиями выступают: предмет посягательства, место, время, обстановка и средства совершения преступления. Они существенным образом влияют на способ, выступают его детерминантами, т. е. определяют соответствующий образ действия, обуславливают порядок, метод, последовательность движений и приемов, применяемых лицом при совершении преступления.

Криминологи первыми указали на то, что в действительности преступник стремится не к одному, а к нескольким результатам и имеет систему целей, избираемых им в процессе подготовки и совершения преступления. Отмечается также, что цель может быть достигнута правомерными, нейтральными или противоправными поступками.

Данное положение может быть интерпретировано в криминалистическом аспекте путем выделения основных, конечных, дополнительных, промежуточных целей.

Основные цели — имеют уголовно-правовое значение, так как с их достижением выполняется состав умышленного преступления. В ряде случаев достижение цели означает в то же время и удовлетворение мотива. В Уголовном кодексе основные цели фиксируются путем прямого указания цели преступления либо описанием признаков деяния (а часто и последствий), которые совершаются (достигаются) с прямым умыслом [27. С. 99].

Хотя основная цель является необходимым признаком состава преступления, ответственность виновного может наступить до и независимо от достижения этой основной цели. Здесь определяющим является совершение действий, описанных в диспозиции, и наступление соответствующих последствий, если они предусмотрены.

Конечная цель не совпадает с основной. Она может простираться дальше, чем основная, включенная в состав преступления. В этом также заключается отличие криминологического и криминалистического понимания от уголовно-правового. Дело в том, что лицо действует в соответствии со своими намеченными целями. Конечной целью для него является не нарушение закона, а удовлетворение своих потребностей и интересов. В этом контексте противоправное деяние, совершаемое лицом, есть лишь один из вариантов достижения конечной цели и удовлетворения первичного мотивирующего побуждения.

Криминологи предложили перечень конечных целей, сориентированных на цели более высокого уровня обобщения, учитывающие базовые элементы преступного поведения — мотивацию, потребности, интересы. С учетом социальной обстановки в стране среди конечных целей, которые наиболее распространены, называются следующие:

1. Цели материального характера (то, что в системе мотивации соответствует корыстным побуждениям). Эти цели достигаются в основном путем совершения преступлений

против собственности, в сфере экономической деятельности, должностных и корыстных преступлений против личности.

2. Цель сохранения или повышения своего статуса в сфере межличностных, а иногда и служебных отношений. Она достигается различного рода агрессивными, насильственными действиями (преступления против личности, против общественного порядка, в сфере экономики и должностные).

3. Сексуальные притязания, тяга к алкоголю и наркотикам. Они осуществляются при совершении преступлений против личности и имущества [25. С. 23 и др.]

Дополнительные (побочные) цели фактически реализуются в конкретном деянии. Главное отличие основных от дополнительных целей заключается в том, что первые зафиксированы в законе и определяют направление криминальным действиям. Вторые же указывают цели действий, которые не имеют уголовно-правового значения, но важны в их криминалистическом аспекте. Они, будучи вырванными из общей системы единого умысла, могут оцениваться как правомерные либо нейтральные.

Содержание дополнительных целей криминологи соотносят с интересами лица в самосохранении. В криминалистическом аспекте их можно интерпретировать как направленность на противодействие раскрытию и изобличению виновных лиц, уход от наказания.

Промежуточные цели предшествуют основным и дополнительным целям и способствуют их достижению. Они указывают направленность действий определенной их стадии. Может иметь место длинная и сложная цепочка промежуточных целей и средств их реализации, которая обеспечивает движение к осуществлению основного замысла. Промежуточных целей и путей, ведущих к достижению основной и дополнительной целей, как правило, много. Это, в свою очередь, означает многовариантность преступного поведения. Для их учета криминологами применяется критерий — сравнительная ценность достижения возмож-

ных промежуточных целей. Она определяется следующими факторами: 1) степенью сложности реализации промежуточной цели; 2) мерой необходимых усилий для ее достижения; 3) размерами грозящей опасности [61. С.189 и др.] Указанное положение имеет свой криминалистический аспект, в частности, может интерпретироваться при формировании круга возможных версий о действиях виновного лица.

Таким образом, динамичность преступления, обусловленная активностью виновного лица, реализацией и достижением им различных целей, позволяет лучше представить процесс совершения преступления от его начала до конца, во всех его криминалистически значимых проявлениях.

6. СООТНОШЕНИЕ СПОСОБА И МЕХАНИЗМА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Термин “механизм” применительно к сложному социальному явлению, каким является преступление, в последние годы все чаще используется в теории и практике. Имеются различные подходы к определению механизма совершения преступления, криминалистическое понятие данного термина только складывается.

В криминалистической литературе встречаем следующие варианты данного термина, отражающие разные трактовки и направленности исследований: “механизм преступления”, “механизм совершения преступления”, “механизм расследуемого события”, “криминалистический механизм преступления” [64. С. 124; 20. С. 333; 12. С.190].

В отличие от понятий “деяние”, “способ”, “средства совершения преступления”, термин “механизм” в УК РФ и УПК РФ отсутствует, т. е. нормативно не закреплен. Поэтому, приступая к его рассмотрению, целесообразно исходить из следующего. Во-первых, ориентироваться на наиболее обобщенный вариант этого понятия, абстрагированный от менее важных, включающий наиболее существенные его признаки (что позволяет этимология данного понятия). Во-вторых, проанализировать предложенные учеными определения и те свойства механизма, на которые обращается внимание как на значимые. В-третьих, рассмотреть содержание данного понятия в контексте с понятиями “способ”, “общественно опасное деяние”, “средства совершения преступления”.

Обратимся к этимологии данного понятия: “Механизм: 1) внутреннее устройство машины, прибора аппарата, приводящее их в действие (механизм часов; заводной механизм); 2) система, устройство, определяющие порядок какого-нибудь вида деятельности (государственный механизм) [48. С. 341]. Ключевым свойством здесь, по нашему мнению, выступает система, определяющая порядок. Ин-

терпретируем приведенное определение применительно к преступлению. При этом надлежит сказать, что преступление как реально существующее явление многоаспектно, являясь предметом исследования разных наук криминального цикла, изучается с разных сторон и трактуется по-разному.

Так, в криминологии дается определение механизма как взаимосвязи и взаимодействия внешних факторов объективной действительности с внутренними психическими процессами и состояниями, детерминирующими решение совершить преступление. Среди побудительных факторов, направляющих и контролирующих преступное поведение, указываются внутренние факторы, связанные с личностью преступника, и факторы внешней ситуации преступления. Внутренним стержнем преступного поведения выступает мотив преступления, который проявляет себя прохождением последовательных этапов своего развития [30, 39].

Уголовное право устанавливает, что преступное поведение (деяние) отличает содержание, направленность которого определяется целями, мотивами, принятием решений [31. С. 359 и др.] Преступление, имея временную и пространственную протяженность, в своем развитии проходит несколько стадий (этапов): 1) подготовительный к совершению преступления; 2) исполнения объективной стороны состава; 3) окончания преступления с наступлением общественно опасных последствий. Уголовно-правовая интерпретация стадий совершения преступлений необходима для квалификации содеянного. При этом имеет значение следующее: окончено ли оно, а если нет, то на какой стадии было прервано. Каждая предшествующая стадия поглощается последующей и в этом смысле самостоятельного значения не имеет. Для квалификации значимым является определение — окончено или не окончено преступление (приготовление к преступлению и покушение на преступление). Оконченным признается деяние, содержащее все признаки состава преступления. Но оконченное преступление отличается от неоконченного лишь одним признаком — наличием общественно опасного

последствия. Теория уголовного права подготовительную стадию связывает с созданием благоприятных условий для совершения преступления. Часть 1 ст. 30 УК РФ перечисляет формы, в которых реализуется приготовление. Приготовление к преступлению квалифицируется по ст.30 УК РФ и соответствующим статьям Особенной части. Если в процессе приготовительных действий субъект совершит другое (а не то, к которому готовился) преступление, он отвечает за это оконченное преступление и за приготовление к соответствующему преступлению. По закону ответственность наступает за приготовительные действия только к тяжкому и особо тяжкому преступлению (ч. 2 ст. 30 УК РФ). Таким образом, уголовное право учитывает механизм совершения преступления, но в той степени, насколько это служит реализации функции квалификации преступления.

Рассмотрим данное понятие с позиции криминалистики. Мнений о его содержании, назначении, выражаемых им свойствах, месте и роли, занимаемой в криминалистической характеристике, высказано достаточно много (Р. С. Белкин, В. К. Гавло, В. А. Образцов, В. Г. Танасевич, Н. П. Яблоков и др.). Укажем наиболее принципиальные трактовки понятия “механизм совершения преступления” и те свойства, которые в обобщенном, суммированном виде, по нашему мнению, должно включать данное понятие.

Так, В. Г. Танасевич отмечал, что характер деяния виновного лица (способ совершения), механизм достижения им преступного результата, несомненно, имеет важное значение [57. С. 182].

Р. С. Белкин, ведя полемику по поводу предмета криминалистики, указывал, что если уж считать предметом познания преступную деятельность, то ее необходимо рассматривать как систему, в которой способ и механизм лишь отдельные ее звенья [5. С. 52].

В последующем Р. С. Белкин дал определение механизма как сложной, динамической системы, определяющей содержание преступного деяния.

В. К. Гавло считает, что криминалистический механизм преступления — это “взаимодействующая система элементов криминалистической характеристики, отражающая процесс совершения, образования его следов, имеющих значение для установления по делу истины” [13. С. 191]. В. К. Гавло механизм преступления оценивает как важнейший элемент криминалистической характеристики преступления и отмечает, что каждому из этапов совершения преступления (начальному, центральному, конечному) присущ свой механизм деяния, который может функционировать как в общей системе механизма преступления по реализации преступного замысла, так и самостоятельно в качестве его подсистемы [12. С. 76].

В. А. Образцов формулирует определение следующим образом: “Механизм преступления — это реализуемая в определенных условиях, выражении, направленности и последовательности динамическая система противоправных поведенческих актов и обусловленных ими явлений, имеющих криминалистическое значение” [46. С. 20]. Он представляет систему реализации механизма в виде: подготовки к совершению преступления, совершения преступления, деятельности после совершения преступления [23. С. 46].

А. Ф. Лубин в качестве структурных элементов механизма преступления называет субъекта преступления, условия (обстановку), способ совершения действий и следовую картину преступления [36. С. 121].

А. М. Кустов определяет механизм преступления как систему процессов взаимодействия участников преступления, прямых и косвенных, между собой и с материальной средой, сопряженных с использованием соответствующих орудий, средств и отдельных элементов обстановки. В качестве элементов механизма преступления он называет: деятельность субъекта преступного события; комплекс действий, поступков жертвы; комплекс действий иных лиц, косвенно связанных с преступным событием; отдельные элементы обстановки, используемые участниками преступного посягательства [33. С. 24].

О. В. Чельшева, исследуя данный вопрос, справедливо указывает на достоинства и недостатки, терминологические неточности трактовки понятия, предложенной А. М. Кустовым: "...в предложенном определении имеется ряд неточностей, в том числе терминологических. Так, автором используются термины "прямые" и "косвенные" участники преступления. Видимо, под прямыми участниками подразумеваются преступник и жертва, а под косвенными — свидетели преступления. Однако свойства и действия некоторых свидетелей (в том числе и простое их присутствие при совершении преступления) могут оказать не менее существенное (прямое) влияние на способ действия преступника при совершении и сокрытии преступления, чем поведение и свойства жертвы". О. В. Чельшева под механизмом понимает единый процесс взаимосвязи и взаимодействия субъекта преступной деятельности, предмета посягательства, жертвы, орудий и средств совершения преступления, а также элементов обстановки его совершения и преступного результата [63. С. 79—80].

Термин "механизм совершения преступления" все чаще встречается в научном обороте, само же понятие переживает процесс становления. Поэтому было бы некорректно включать его в определение иных понятий и терминов, в понятийный аппарат криминалистики без четкого уяснения его содержания. Его появление связано, во-первых, с обособлением признаков "динамизм" и "стадийность", которые характеризуют общественно опасное деяние, во-вторых, с трактовкой динамики деяния как результата достижения соответствующих целей и проявлением мотива у виновного лица.

Рассмотрение перечня возможных целей позволило их классифицировать: на основные и дополнительные (по выраженности их в законе); на конечные и промежуточные (для отражения стадийного исполнения поведенческих актов и достижения конкретных промежуточных целей, имея конечную цель, двигаясь к ней, реализуя последовательно ряд этапов).

Все перечисленные признаки вначале ассоциировались со способом совершения преступления, включались в число его собственных признаков, но это привело к чрезмерному расширительному толкованию его содержания. Более того, стало заметно, что механическое включение в состав способа разноплановых признаков приводит к искусственности подобной конструкции. С признанием за механизмом совершения преступления самостоятельности была устранена отмеченная смысловая неточность. “Динамизм”, “стадийность” отошли к признакам механизма в качестве выразителя его сути. Таким образом, соотношение понятий “способ” и “механизм” следующее: оба понятия дополняют друг друга, характеризуют деяние, но разные его свойства и признаки. В данном случае появление нового термина оправдано в плане обозначения нового качества явления, иного его аспекта.

“Механизм совершения преступления, в отличие от сведений о его способе, характеризует не качественную, а последовательную, технологическую сторону преступного деяния. Это система данных, описывающих, главным образом, временной, последовательный, динамический порядок связи отдельных этапов, обстоятельств, факторов подготовки, совершения и сокрытия следов преступления, позволяющих воссоздать технологическую картину процесса его совершения” [24 С. 17]. Как следует из приведенной цитаты, речь идет о механизме совершения преступления в контексте исполнения общественно опасного деяния. Механизм преступления — более широкое понятие, куда механизм совершения преступления входит составной частью.

Помимо отмеченного механизм выражает еще одно важное свойство — взаимодействие, взаимообусловленность элементов, явлений, процессов, составляющих преступление.

При рассмотрении указанного признака важными представляются три вопроса:

Какие элементы (каков их перечень) составляют сложную динамическую систему механизма преступления?

Каковы пределы и характер связей и закономерностей функционирования механизма преступления?

Какова криминалистическая значимость последствий взаимодействия элементов преступления?

Событие преступления как материальный процесс действительности находится в закономерной связи и взаимообусловленности с другими процессами, событиями, явлениями. Одним из проявлений взаимодействий является отражение преступления в криминалистически значимых последствиях в виде различных материально фиксированных и психофизиологических признаков — в следах и образах, по которым возможно его воссоздать. Как отмечал Р. С. Белкин, непосредственно отражаемыми объектами выступают совокупности признаков, характеризующие преимущественно субъекта и объективную сторону [4. С. 52 и др.]. При этом он уточняет, что в сложных связях акта отражения участвуют и другие элементы — объект и субъективные элементы состава преступления. Определяя механизм преступления как сложную динамическую систему Р. С. Белкин в нее включает: субъекта преступления; отношение субъекта преступления к своим действиям, их последствиям и соучастникам; предмет посягательства; способ преступления (как систему детерминированных действий); преступный результат; обстановку преступления (место, время и др.); поведение и действия лиц, оказавшихся случайными участниками события; обстоятельства, способствующие или препятствующие преступной деятельности; связи и отношения между действиями (способом преступления) и преступным результатом, между участниками события и др. [6. С.119].

Приведенные определения указывают на две тенденции. Во-первых, включение в сложную динамическую систему все большего перечня взаимосвязанных элементов, начиная от признаков субъекта и объективной стороны до всех элементов состава. Во-вторых, уточнение криминалистически значимого аспекта содержания самих элементов, проявляющегося, в первую очередь, “в отражении — моменте, ча-

стице универсальных связей объективной действительности” [4. С. 50].

Аналогичную трактовку мы находим у В. А. Образцова. В структуре преступной деятельности он выделяет связи следующих элементов: преступник, мотив, цель, объект, средства, сам процесс и результат преступления (в том числе следы преступления). Перечисленные элементы по аналогии с уголовно-правовым составом В. А. Образцов определяет как криминалистический состав преступления [47. С. 78].

Исходя из предложенных определений, можно констатировать, что осуществлена трансформация элементов системы из уголовно-правовой в криминалистическую плоскость. Уточним, в чем именно проявляется криминалистическое начало приведенных определений. Во-первых, в использовании понятий и терминов уголовного процесса и криминалистики взамен уголовно-правовых. Во-вторых, в акценте на выполнение элементами, включаемыми в механизм преступления, функций отражаемых и отражающих объектов (иначе, идентифицируемых и идентифицирующих объектов). В этом плане имеется еще более точная и определенная позиция Н. П. Яблокова. Он отмечает, что существенная криминалистическая информация содержится в механизме самого события преступления, носителями которой выступают свидетели-очевидцы, материальные следы [9. С. 122—123].

Определение перечня элементов механизма преступления отчасти совпадает с вопросом о количественном и качественном составе элементов криминалистической характеристики преступления. Имеются трактовки, которые криминалистическую характеристику определяют как систему сведений о криминалистически значимых признаках преступлений одного вида, отражающих закономерные связи между ними и являющихся основой для расследования конкретных преступлений [21].

Несмотря на то, что понятие криминалистической характеристики наиболее разработано, отметим, что вопрос о

перечне ее элементов также является дискуссионным. Исходя из разных подходов и критериев в определении элементов криминалистической характеристики, их число колеблется от 4 до 10 и более элементов [3. С. 19].

По нашему мнению, категорию “взаимосвязь” логичнее включать в понятие “механизм совершения преступления”, т. е. в конструкцию, объединяющую категории “динамизм”, “стадийность”, “отражение”. Совершенствование понятий криминалистики, уточнение свойств и признаков, которые они выражают, учет их функциональной роли позволяют определить и обосновать критерии (принципы) их выделения и получения статуса элемента криминалистической характеристики и механизма преступления, разграничить содержание функций понятий способа и механизма, составообразующие и криминалистические признаки отдельных элементов преступления и на их основе сформулировать (очертить контуры) уголовно-правовой и криминалистической моделей преступления.

Г. А. Густов предлагает понимание криминалистической модели преступления как глобальной суперсистемы и включает в нее: систему совершения преступления, систему поведения виновного до и после преступления, системы, сопутствующие преступлению. Последние могут быть обусловлены посягательством или с ним не связаны. Например, когда объектом посягательства является человек, его действия образуют систему “поведение потерпевшего”. Могут появляться новые явления, процессы, сопутствующие преступлению (В. А. Образцов применяет термин “параллельные события” [23. С. 33]). Так, к ним могут быть отнесены сбои в производственном цикле транспортных, энергоснабженческих, торговых, иных предприятий, различного рода отклонения в поведении животных, движение грузов, перемещение граждан и т. п. [16. С. 78—85]. Предложенное Г. А. Густовым определение существенно расширяет перечень элементов, явлений, процессов, включаемых в механизм преступления. Видимо, на этом процесс расширения перечня элементов может быть завершен, исходя из

границ функционирования обозначенной выше глобальной суперсистемы преступления. Следует отметить, что включение в систему механизма поведенческих актов жертвы и очевидцев посягательства, иных людей, явлений, процессов, сопутствующих преступлению, распространяет на них в равной степени и такие свойства механизма, как динамизм, развитие, стадийность. Таким образом, механизм выражает также закономерные связи и взаимообусловленности элементов, составляющих его систему. То есть “данным понятием обозначается ход, порядок последовательной смены, причинных, функциональных и иных взаимосвязей, существующих между компонентами преступления в процессе возникновения и развития их взаимодействия” [23. С. 94]. Кроме того, в подобном контексте механизм наделяется еще более широким кругом охватываемых этим понятием элементов. Здесь механизм из категории, указывающей на взаимосвязи в рамках совершения общественно опасного деяния, вырастает до механизма преступления в целом, вплоть до его понимания как глобальной суперсистемы.

Толковый словарь определяет связь как отношение взаимной зависимости, обусловленности, общности между чем-нибудь [48. С. 696]. В криминалистической энциклопедии связь определяется как взаимообусловленность существования явлений, разделенных в пространстве и во времени [6. С. 198]. Связи вначале исследовались применительно к объектам и свойствам, которые вовлекаются и используются в сфере отождествления и криминалистической идентификации. Еще С. М. Потапов, основоположник теории идентификации, сформулировал один из базовых принципов — необходимость рассмотрения каждого идентификационного признака в динамике, в развитии, в связи с предшествующими и сопутствующими обстоятельствами [53].

Впервые этот вопрос нашел разрешение в работах А. А. Эйсмана. Рассматривая гносеологию и логику экспертного исследования, он выделяет формы связи между наличным, известным и неизвестными фактами выводов эксперта. Он

называет пять форм таких связей: генетическую — связь между причиной и следствием, между условием и обусловленным; функциональную — связь между взаимозависимыми процессами (производна от причинной связи и представляет количественную ее характеристику); объемную — существующую между предметами, составляющими группу, род, вид и т. п., вплоть до связи состояний одного единичного объекта, тождество которого устанавливается на основании этой связи; субстанциональную — связь между свойствами вещи и самой вещью как целым, на основании которой по известному свойству делается заключение о вещи в целом или по целостной характеристике вещи определяют ее свойство; преобразования — связь между не поддающимися непосредственному восприятию явлениями, свойствами (например, невидимыми следами) и их воспринимаемыми копиями, полученными в результате исследования [65].

Разработку данного вопроса продолжил Н. Я. Сегай. В структуре идентификационных связей он выделяет шесть их видов:

сигналетическую — между материальными телами и отображениями их внешнего строения. Она используется при идентификации материальных тел по следам;

функциональную — между навыком и его материально-фиксированным отображением. Она используется главным образом при отождествлении почерка;

энергетическую — между величиной энергии объекта и ее отображением (например, в виде спектра голоса, гамма-спектра и т. д.). Она используется, в частности, при установлении тождества голоса по магнитной записи;

структурную — между целым и частями разделенного целого. Она используется в случаях идентификации целого по частям, осуществляемой на основе признаков общей линии разделения или признаков структуры, которая может быть выявлена как неповторимый внутренний рисунок;

субстанциональную — между составами материалов различных объектов. Она используется при установлении однородности объектов сравнения по составу материала;

генетическую — между свойствами объектов, соотносящихся друг с другом как предки и потомки (исключение — установление по потожировым выделениям принадлежности вещей без вести пропавшим лицам путем установления групповых свойств исчезнувших и сопоставления их с группой крови родителей) [55. С. 98—106].

Следующий этап стал кардинальным по своей направленности — в признании наряду со взаимосвязью идентификационных признаков, на основе которых делаются выводы о тождестве, взаимосвязи и обусловленности всех элементов, явлений, процессов, оказавшихся в орбите преступления. Подобная постановка вопроса совпала с научной дискуссией о предмете криминалистики, которая продолжается по настоящее время.

В юридической литературе вопрос о типах связей (встречается термин “преступные закономерности”), существующих между элементами механизма преступления, и различных подходах к этому вопросу является продолжением дискуссии и формирования на ее основе теории объекта криминалистики. Заслуживает внимания статья Н. П. Яблокова, в которой он подробно рассматривает различные точки зрения, высказанные виднейшими криминалистами по указанному вопросу [66. С. 20—30].

Автор хронологически восстанавливает ход научной дискуссии, начиная с 30-х годов XX в., отмечает, что в 1967 г. Р. С. Белкин и Ю. И. Краснобаев пришли к выводу о том, что предмету криминалистики, как и любой другой науке, свойственны специфические закономерности, что предмет криминалистики составляют закономерности возникновения, обнаружения, исследования, оценки, использования судебных доказательств и основанные на познании таких закономерностей средства и методы судебного исследования и предотвращения преступлений.

Указанное положение как исходное было подвергнуто детальному рассмотрению и был внесен ряд уточнений относительно: а) отграничения предмета криминалистики от предмета уголовного процесса, ее раздела доказательственного права; б) учета криминалистической специфики в определении закономерностей; в) отсутствия в предложенном определении характера средств и методов, разрабатываемых криминалистикой. Участниками дискуссии были видные криминалисты: Ф. Ю. Бердичевский, А. Н. Васильев, Г. Г. Зуйков, В. П. Колмаков, И. М. Лузгин, И. Ф. Пантелеев, Н. А. Селиванов и др. Каждый ученый предложил свое видение предмета криминалистики, понимание закономерностей с учетом их криминалистической специфики. Именно деятельный подход, основывающийся на раскрытии механизма взаимодействия людей друг с другом в социальной сфере и с материальным миром, позволил более четко определить объективно-предметную сущность криминалистики, стал одним из важных элементов ее методологического арсенала. Деятельный подход представляет в своей основе систему различных видов человеческой деятельности, один из которых — преступное поведение, являющийся предметом криминалистического изучения.

Другой вопрос, вызвавший дискуссию, — об объекте криминалистики. Большинство авторов рассматривало в качестве объекта криминалистического изучения преступную деятельность и деятельность по ее раскрытию, т. е. двуединый объект.

С точки зрения В. А. Образцова, к объекту криминалистики как науки относится лишь поисково-познавательная деятельность в уголовном судопроизводстве (процессе). Изучение же преступной деятельности он считает объектом научно-практического познания следователем, органом дознания, судом сквозь призму различных ситуаций поисково-познавательной деятельности, задач, средств, методов и условий их решения на разных стадиях уголовного судопроизводства [23. С. 5—6]. При этом ученый исходит из различного содержания понятий “объект науки” и “объект

научного познания”. В его трактовке объект научного познания только изучается, а объект науки не только изучается, а главным образом обеспечивается научной продукцией, поэтому преступная деятельность не может стать объектом криминалистики.

Вступая в полемику с В. А. Образцовым, Н. П. Яблоков отмечает, что “прикладные науки решают не только познавательные, но социально-практические задачи. Однако характер этих задач не может быть одинаковым. Он зависит от специфики объекта каждой науки. В одних случаях названные задачи связаны с совершенствованием соответствующей сферы общественно полезной деятельности, а в других, наоборот, — с разработкой мер по сокращению или прекращению негативной деятельности” [66. С. 20—30]. Далее Н. П. Яблоков говорит, что для определения предмета криминалистики в двуедином объекте ее научного познания необходимо вычленить в них те аспекты и их конкретные элементы, изучение которых может быть обеспечено лишь методами криминалистики. Такими аспектами будут являться все данные, необходимые для формирования криминалистической характеристики рода, вида или группы преступлений, а также процессы отражения любой преступной деятельности в виде следов-последствий. К характерным для преступной деятельности и представляющим интерес для криминалистики он отнесит следующие закономерности:

1) причинно-следственные связи между отдельными структурными элементами системы преступления и степень их отражения в его криминалистической характеристике (закономерности формирования и действия причинно-следственных связей в поведении субъектов преступления при выборе объекта и способа преступного посягательства и при выборе или создании благоприятной обстановки для совершения преступления);

2) поведенческие связи между субъектом преступления и другими его соучастниками и потерпевшими до, в ходе и после его совершения;

3) влияние сложившейся обстановки и выбранного способа совершения преступления на его механизм и особенности его протекания;

4) отражение во внешней среде преступной деятельности и связанных с ней других поведенческих актов и событий, знание которых помогает находить, изучать следы-последствия, криминалистически их оценивать и использовать для раскрытия и расследования преступных деяний (закономерности материального и психофизиологического отражения как результат взаимодействия субъекта преступления с другими лицами и материальными объектами на месте происшествия, окружающей его средой и людским окружением);

5) проявление объективно повторяющихся комплексов следов-последствий, характерных для различного рода криминалистических ситуаций (при совершении преступлений в различных сферах человеческой деятельности, специфическими субъектами, при преступных инсценировках и т. п.);

6) формирование образной и словесной информации, связанной с событием преступления, в сознании потерпевших, свидетелей, подозреваемых и обвиняемых с учетом психофизиологических, метеорологических, временных и иных факторов.

Применительно к криминалистической деятельности по раскрытию и расследованию преступлений предметом изучения служат следующие закономерности и объективно проявляющиеся в этой действительности факторы:

1) постоянное возникновение и повторение (при раскрытии и расследовании одновидовых и даже неоднородных преступлений) однотипных следственных ситуаций, свидетельствующих о ситуационном характере расследования;

2) преобладание в информационной базе следственных ситуаций, правильная оценка и использование которых обеспечивают успех расследования, типовых уголовно-процессуальных и иных криминалистических данных;

3) фактическое постоянство (типичность) источников уголовно-процессуальной и криминалистической информации, необходимой для разрешения задач раскрытия и расследования (материальные и психофизиологические источники);

4) стабильность при расследовании критериев выбора и набора средств и методов обнаружения, фиксации, изъятия, исследования, оценки и использования уголовно-процессуальной и криминалистической информации;

5) обусловленная вышеуказанными факторами и нетиповыми особенностями каждой следственной ситуации постоянная необходимость сочетания типичности и атипичности в действиях субъектов расследования, осуществляющих поиск, обнаружение, фиксацию, изъятие, исследование следов-последствий преступления, оценивающих и использующих всю собранную уголовно-процессуальную и криминалистическую информацию при раскрытии и расследовании;

6) определенная типичность в поведении на следствии субъектов преступления, потерпевших и свидетелей с учетом вида, особенностей расследуемых преступлений, психофизиологических, временных и иных факторов [66. С. 28—29].

В. А. Образцов включает в предмет криминалистики существенные, каждый раз с необходимостью повторяющиеся в аналогичных условиях внутренние и внешние для уголовного судопроизводства следующие группы закономерностей: закономерные связи между криминальными и криминалистическими ситуациями, между определенными видами следов преступлений и методами их обнаружения, между особенностями криминальных последствий и принципов организации работы по раскрытию преступлений.

По мнению В. А. Образцова, предметом криминалистики охватываются две группы закономерностей: 1) закономерности организации и осуществления практического следования (познающе-преобразующей системы); 2) закономерности, лежащие в основе подготовки, совершения пре-

ступлений, противодействия правоохранительным органам и отражения этой деятельности (познаваемой системы) [23. С. 10—14].

В. А. Образцов исходит из того, что общим объектом познания у всех субъектов поисково-познавательной деятельности (следователя, работника органа дознания и т. д.) является преступление, а также, если применить системный подход, другие события, связанные с деянием криминального характера.

Далее он отмечает, что во всех познавательных ситуациях единственным средством познания является информация (фактические данные, сведения). В уголовном судопроизводстве доказательственная и иная информация выступает в то же время в качестве объекта поиска субъектов практического следоведения. Наряду с этим объектом поиска и исследования являются также носители искомой информации — ее потенциальные источники (люди, предметы и т. д.). В другой работе В. А. Образцов приводит возможные классификации типов связей: 1) исходя из различения вещественных, энергетических и информационных связей; 2) исходя из форм движения материи (пространственные и временные); 3) по форме детерминизма (однозначные, вероятностные, корреляционные); 4) по характеру результата, который дает связь (связи порождения и связи преобразования); 5) по направлению действия (прямые и обратные); 6) по типу процессов, которые определяет данная связь (связь функционирования, связь развития и т. д.); 7) по содержанию, являющемуся предметом связи (связь, обеспечивающая перенос вещества, энергии или информации) и др. [47. С. 94].

Г. А. Густов отмечает, что важнейшим качеством, характеризующим реальную систему преступлений, являются ее связи. Автор различает два вида связей: внутренние и внешние. К первым он относит причинно-следственные, пространственно-временные, информационные и другие. Ими связаны все общие элементы системы. Так, объект непосредственного посягательства связан с физической и

психической деятельностью виновного; его деятельность — с местом и временем посягательства, результатами и т.д. А каждый из них, в свою очередь, связан с виновным и отображает его личность. К внешним связям системы преступления он относит связи, существующие между поведением виновного при совершении преступления с системами поведения виновного до и после преступления, а также с процессами, которые сопутствуют посягательству [16. С. 80—81].

Анализ объектов познания криминалистики (отчасти это вопрос об элементах механизма) показывает их достаточную уникальность. Их отличает разнородность, среди них: акты поведения и взаимодействия людей по поводу посягательства; взаимодействия людей в иных процессах, не связанных с посягательством, но проходящих параллельно с ним. Наряду с этим взаимодействия предметов, используемых как средства преступления, и иных предметов, а также взаимодействия людей с этими предметами. С точки зрения уровня общности объектов познания криминалистики они делятся на две группы: на закономерности как объекты познания и типовые индивидуальные объекты. Криминалистика находится в одном ряду с такими науками, как геология, астрономия, история, археология и другие, объектами познания которых являются индивидуальные, неповторимые события, действия исторических лиц, памятники творчества и т.п. Поэтому объектами познания криминалистики являются не только закономерности, но и некоторые типовые и даже индивидуальные объекты: конкретные уголовные дела, специфические поступки, способы и уловки виновных и жертвы, отдельные индивидуальные события, индивидуальные средства преступления, изменяющиеся неповторимые факторы обстановки [57. С. 3 и др.].

Указанное положение Г. А. Густов интерпретирует следующим образом. Он отмечает, что наряду с общими и альтернативными элементами в реальной системе преступления существуют элементы индивидуальные, делающие

конкретное посягательство неповторимым, своеобразным, единичным явлением реального мира [16. С. 80].

Когда говорят о взаимосвязях механизма преступления, то имеют в виду обобщенное, абстрактное их понимание, в силу этого позволяющее установить в этих связях объективно существующие тенденции, закономерности. Именно они являются предметом познания криминалистики. Закономерности могут подразделяться на однозначные (функциональные, динамические) и многозначные (статистические, вероятностные).

Суть закономерностей первой группы выражается логической формулой: если есть то-то..., то обязательно было (есть, будет) вот это... Помимо указанного качественного обозначения в отдельных случаях связи могут дополняться количественными характеристиками. Такие количественные характеристики получили распространение, в первую очередь, относительно взаимодействия материальных объектов, в частности применительно к объектам трасологии. Здесь имеют значение закономерности, присущие как объекту, так и процессу экспертного исследования, включая закономерности различных физических, химических и физико-химических явлений, лежащих в основе применяемых аналитических методов [56. С. 5—14].

Суть закономерностей второй группы в том, что взаимосвязь проявляется регулярно, но не во всех случаях, с отдельными исключениями (корреляция). То есть это такая форма, при которой зависимость одного элемента процесса осложняется наличием ряда случайных факторов, и тогда закономерность проявляется лишь в определенной их части. Исходя из того, что преступная деятельность детерминирована множеством факторов, как объективных, так и субъективных (многовариантность, ситуативность), большинство взаимосвязей механизма преступления являются многозначными, статистическими.

Представляют интерес исследования, посвященные криминалистической характеристике и механизму преступления, в которых наряду с другими ставились задачи:

а) установление полного, исчерпывающего перечня элементов, между которыми существуют взаимосвязи и взаимобусловленности; б) установление объективных показателей этих закономерностей в их количественных показателях.

Практическую значимость разработанной концепции предлагалось оценить с учетом выраженности ее выводов в количественных показателях. Например, отмечалось, что криминалистическая характеристика имеет практическое значение лишь в тех случаях, когда установлены корреляционные связи и зависимости между ее элементами, носящие закономерный характер и выраженные в количественных показателях. Без этого она будет оставаться нереализованной теоретической концепцией и по этой причине превратится в иллюзию, в криминалистический фантом [4. С. 220—224].

Справедливо ли утверждение, что практическая значимость научной концепции определяется в зависимости от наличия или отсутствия количественных показателей? Ответ можно найти в дискуссии о предложенном Л. Г. Видоным в конце 70-х годов XX в. методе построения типовых версий о лицах, совершивших убийство без очевидцев. На основе типизированной информации о криминалистической характеристике ряда элементов (месте, времени, способе, орудии, виновном лице и жертве, следах-последствиях), их закономерных связях, взятых из прошлых случаев и сопровождавшихся количественными показателями Л. Г. Видонов предложил алгоритм раскрытия убийств [10]. Работа Л. Г. Видонова получила противоречивые оценки. Противниками ее выступили Р. С. Белкин, И. Е. Быховский, А. В. Дулов, А. М. Ларин (позиция Р. С. Белкина не всегда была негативной).

Институт усовершенствования следственных работников органов прокуратуры и МВД СССР (ныне Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ) в 80—90 гг. XX в. пропагандировал указанный метод как дающий эффект. По прошествии 20 лет можно дать более

взвешенную и объективную оценку концепции Л. Г. Ви-
донова. На наш взгляд, она не противоречит современным
представлениям о преступлении, его криминалистической
составляющей; основные положения и предложенный поня-
тий аппарат не девальвировали, хотя и требуют некоторого
уточнения. В. П. Бахин так прокомментировал указанный
метод: "...при расследовании конкретного преступления со-
поставление имеющихся о нем данных (что, где, когда, каким
образом, при каких обстоятельствах и т.д.) с системой обоб-
щенных сведений о ранее расследованных преступлениях
этого вида позволяет выделить аналогичные криминалистиче-
ски значимые признаки преступления и на этой основе опре-
делить — чем характеризуются пока еще неизвестные в дан-
ном расследовании обстоятельства" [3. С. 17].

Вместе с тем попытка дать математическую интерпрета-
цию связей, ее криминалистических элементов оказалась
несостоятельной, показала существенные изъяны методо-
логического подхода, что поставило под сомнение концеп-
цию в целом.

Недостатков исследования по сути два:

1. Региональная узость взятого материала — использо-
вались данные около 1000 уголовных дел об убийствах,
находившихся в производстве следственного аппарата
только одной Горьковской области. Региональные особен-
ности, влияющие на количественные показатели взаимо-
связей элементов криминалистической характеристики
убийств, являются препятствием для их использования в
других регионах. Даже в одной административно-терри-
ториальной единице (субъекте Федерации) имеются райо-
ны, существенно отличающиеся по многим показателям от
усредненных областных, федеральных в силу различия
экономических, демографических, криминальных и иных
факторов, в том числе при сопоставлении их в разные исто-
рические периоды. Криминологические исследования так-
же указали на единую линию детерминации региональной
социальной средой разных преступлений (краж, изнасило-
ваний, убийств и др.) [26. С. 77].

2. Ограниченность обобщения, на котором строились выводы о частоте встречаемости (в процентном выражении) взаимозависимостей некоторых элементов криминалистической характеристики убийств. Дело в том, что большинство показателей выводилось исходя из очень малого числа сходных случаев (от 2-х до 20-ти) соответствующих групп убийств, на который был разделен по разным основаниям общий массив всех уголовных дел. Оказывалось, например, что показатель 90 % отражает тенденцию 10-ти сходных случаев, а не всей массы — 1000. При включении в обработку новых случаев частота встречаемости, несомненно, будет меняться, иметь иное количественное выражение и свидетельствовать об иной тенденции. А. М. Ларин саркастически прокомментировал подобное обоснование как “раскрытие убийств и арифметика” [34]. Критика, безусловно, справедливая, ибо подобные вульгарные математические обоснования не подтверждают наличия объективно существующих взаимосвязей между элементами преступления.

Даже при более репрезентативных исследованиях такие данные не будут являться выражением однозначных динамических закономерностей, а будут выражать лишь многозначные (статистические, вероятностные) связи, которые проявляются регулярно, но не во всех случаях, а лишь как общая тенденция с отдельными исключениями.

Представляет интерес оценить сложившуюся ситуацию, сравнив ее с тем, как обстоит дело в криминологической науке. Уголовно-правовая и криминалистическая характеристики, а также механизм преступления представляют разные модификации моделей, отображающих и схематично воспроизводящих преступление. Моделирование, как известно, имеет преимущество перед другими методами исследования, так как дает возможность восстановить условия совершения, имитировать процесс преступления, взаимосвязи его элементов, их прямое и обратное влияние друг на друга.

При моделировании в криминологии в большинстве случаев используются качественные модели, которые не содержат цифровых данных. Отмечается, что, разумеется, плодотворнее построение динамических количественных моделей, но это не всегда возможно [27. С. 22 и др.].

Обращение к опыту криминологов показывает следующее.

Во-первых, криминологам пока еще не удается точно назвать все факторы, участвующие в моделируемом процессе. Поэтому не только статическая, но и динамическая модель, более полно представляющая исследуемое явление, получается искаженной.

Попытка представить в виде модели криминалистический аспект преступления столь же проблематична. Сложность ее в определении самодостаточного перечня элементов и процессов, включаемых в систему преступления и в упрощенном, приблизительном представлении механизма, объясняющего процессы и явления совершения преступления.

Во-вторых, криминологи не располагают, в частности, необходимым массивом данных о признаках личности преступника и его поведения.

В-третьих, отсутствуют методики оценки имеющихся факторов в количественных показателях. Например, неизвестно, как измерять, исходя из потребностей криминологической науки, такие обстоятельства, как потребности, возможности лица, нравственное формирование личности и т. д. такого учета в стране не ведется.

Знакомство с положением, сложившимся в криминологии, позволяет лучше понять и сформулировать вопросы, решение которых важно для криминалистики.

1. В криминалистике практически отсутствуют методики, алгоритмы решения ее общих и частных задач, имеющих количественные показатели. Упадок, например, “криминалистической характеристики преступлений” произошел в силу того, что указанная модель формировалась только на описательном уровне [36] и в большей степени

потому, что не родились практические “выходы”, данная категория не была подкреплена количественными показателями [3. С. 16—22].

2. Не завершена работа по отграничению во всех исследуемых процессах, явлениях, элементах преступления его значимых криминалистических признаков. На наш взгляд, только опираясь на такую четкую определенную основу могут быть установлены существующие взаимосвязи элементов криминалистической модели преступления и их закономерностей.

3. Практически отсутствуют в систематизированном виде необходимые массивы количественных показателей, характеризующие как отдельные элементы криминалистической модели преступления, так и частоты повторяемости взаимозависимостей, которые существуют между ними.

Следует констатировать, что современная методика расследования преступлений строится на типичном, повторяющемся: возможности раскрытия и эффективного расследования нового преступления с учетом обобщенных данных об аналогичных, ранее расследованных преступлениях соответствующей группы. Но методики, изложенные в них взаимосвязи, не содержат практически количественных показателей. В силу этого может ставиться под сомнение научная достоверность таких выводов и рекомендаций.

Надо признать, что количественные показатели необходимы для решения проблем раскрытия и выявления преступления, обнаружения виновного лица. Количественные показатели являются очень важным инструментом в руках практиков. Однако применение этого инструмента может иметь негативные последствия. Тяжесть критики А. М. Ларина была вызвана, в частности, тем, что жизнь конкретного человека могла быть “поломана”, так как он, в случае совпадения его данных с данными метода Л. Г. Видонова, становился объектом репрессивного аппарата, каким нередко предстает отечественная система юстиции в ее отрицательных проявлениях.

С учетом вышеприведенного анализа, представим в кратком виде генезис механизма преступления. Согласно начальной трактовке в основе выступало общественно опасное деяние. Его элементами, определяющими его основные характеристики, считали способ и средство. Место, время и обстановка играли роль условий, в которых протекает деяние. Позднее, характеризуя общественно опасное деяние, обратили внимание на его динамизм и стадийность. Стадийность, углубляясь, стала связываться и выражаться через реализацию конечных и промежуточных целей. Рассмотрение же целей привело к их классификации на конечные, основные, дополнительные и промежуточные. Если категории цели и стадии сначала относили к признакам способа, то позднее стали связывать с категорией механизма совершения преступления. Указанный генезис данного понятия в криминалистике базировался: а) на понимании данного понятия в уголовно-правовой теории и криминологии; б) на знакомстве и обобщении судебно-следственной практики, исследовании сложных, многоэтапных преступлений.

Сначала понимание содержания механизма распространяется на общественно опасное деяние и на его более концентрированное выражение — способ совершения преступления. Но понятие “механизм” в его абстрагированном и обобщенном варианте помимо динамичности и стадийности имеет еще один компонент — взаимодействие. Исходя из функции криминалистики, связанной с закономерностями отражения и возможностей на его основе воссоздать картину события преступления, обнаруживается второй подход к определению места и значения категории механизма. Н. П. Яблоков отмечает, что при втором подходе механизм совершения преступления для некоторых категорий преступлений более значим, для других — менее. Прочтение сведений, которые он выражает, позволяет судить о наличии и содержании различных связей: причинно-следственных, пространственно-временных, энергетических и др. Механизм совершения преступления более зна-

чим в ситуациях длительного течения общественно опасного деяния [9. С. 122—123].

Как показывает судебно-следственная практика, появились новые, нетрадиционные преступления, отличающиеся многоэтапностью, выполнением многообразных дополнительных и промежуточных целей, увеличением доли преступлений с использованием различных средств, орудий, технологий. Рассмотрение подобных преступлений более плодотворно с использованием категории “механизм”.

Второй подход побудил использовать категорию “механизм” в расширительном понимании — применительно ко всем элементам преступления, входящим в его состав, т. е. к преступлению в целом. Г. А. Густов отмечает, что следует от традиционной формулы “от способа преступления — к способу расследования” перейти к формуле “от исследования элементов системы преступления, ее внутренних и внешних связей и детерминирующих факторов — к методам и способам расследования” [16. С. 83].

Г. А. Густов предложил криминалистическую модель преступления, включив в нее: систему совершения преступления, системы поведения виновного до и после преступления, а также сопутствующие посягательства. Данный подход существенно развивает положения Р. С. Белкина о системе взаимосвязанных элементов, включаемых в механизм преступления, о чем говорилось выше.

Г. А. Густов увеличил их перечень за счет более углубленной разработки криминалистической модели преступления. Таким образом, мы наблюдаем расширение зоны применения категории механизма последовательно: 1) как характеристики способа — общественно опасного деяния; 2) как объективной стороны состава преступления; 3) к преступлению в целом со всеми его элементами; 4) до криминалистического понимания преступления как гиперсистемы. Развитие и стадийность надо применять не только к способу и деянию виновного, но и к поведению жертвы, соучастников, очевидцев, к другим явлениям, сопровождающим преступления.

Таким образом, указанная трактовка механизма совершения преступления выявляет дополнительные возможности использования этой категории:

1) механизм преступления представляет наиболее общую и приближенную к реальности модель, учитывающую все многообразие взаимосвязей материальных объектов и процессов, определяющих возникновение и формирование источников уголовно-правовой, уголовно-процессуальной и криминалистически значимой информации, необходимой для осуществления процесса доказывания;

2) учет внутренних и внешних связей системы элементов и процессов, образующих преступление в его криминалистическом аспекте, позволяет значительно увеличить объем доказательственной базы о всех обстоятельствах предмета доказывания. Резерв получения доказательственной базы складывается за счет: а) увеличения перечня отображаемых и отображающих компонентов механизма совершения преступления, вовлекаемых и учитываемых в процессе доказывания, т. е. большего количества в сравнении с традиционным подходом. Вплоть до границ суперсистемы, так как исследуются процессы не только этапа исполнения, но и происходящие до, после и параллельно; б) рассмотрения указанных компонентов в процессе их функционирования, движения, что позволяет собирать доказательственную информацию в динамике, в рамках временных и пространственных координат. Границы механизма преступления значительно шире исполнительской части самого преступления. Эпицентром общественно опасного деяния является собственно исполнение преступления, но границы могут иметь иную конфигурацию как в пространстве, так и во времени, так как следует учитывать контакты и взаимодействие с лицами, явлениями и процессами, внешне отдаленными, протекающими параллельно по времени от исполнения, которые могут касаться лиц, вещей, явлений, удаленных в пространстве, происходящих параллельно и по этой причине, как правило, не включаемых в круг, подлежащих исследованию;

3) у каждого этапа, процесса, события свои цели, свои возможные контакты отображения материальной среды.

В то же время необходимо предостеречь от преувеличения значения и роли механизма как средства решения всех проблем криминалистики. Отмеченная тенденция прослеживается в настоящее время в отдельных криминалистических исследованиях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Суть традиционного понимания содержания способа формируется исходя из упрощенной логики виновного при достижении им преступной цели. Эта цель достигается выполнением промежуточных целей, образующих этапы, включающие совокупность действий и приемов, использование средств, орудий, детерминированных обстановкой, особенностями объекта посягательства, субъектом преступления (его знаниями, навыками, установками, предшествующим опытом, определенными межличностными связями, профессиональными навыками, должностным положением и т. д.).

Одни преступления совершаются способами, характеризующимися динамизмом и кратковременностью исполнения. На другом полюсе преступления, совершение которых растянуто на длительный период, в течение которого достигается множество целей, имеющие множество объектов посягательств, охватывающие большой круг лиц.

Способ должен исследоваться вне рамок, регламентированных нормой Уголовного кодекса. По сути для достижения преступной цели действия виновного лица начинаются задолго до стадии исполнения и могут продолжаться вплоть до исполнения наказания. То есть на разных стадиях уголовного судопроизводства и вне его рамок.

Выбор и реализация способа детерминированы технологией производства, финансово-банковскими процедурами. Для ряда преступлений оказываются более значимыми иные доминанты, например компьютерные технологии. Появилось понятие — киберпреступность [58. С. 25—28; 7. С. 55—57 и др.].

Аналогично проявляют себя средства преступления при совершении криминальных взрывов. Для этих преступлений на первое место в структуре способа выступает его орудийная составляющая. Именно поэтому способ совершения криминальных взрывов в большей степени детерминирован тактико-техническими особенностями и характе-

ристиками взрывных устройств и взрывных веществ и в меньшей — собственно действиями виновных.

Применительно к сексуально-садистским убийствам способ совершения преступлений указанной разновидности детерминирован характером перверсий виновного лица (т. е. сексопатологических отклонений, проявляющихся в извращенных приемах удовлетворения своих сексуальных потребностей, приводящих к смерти жертвы)[2].

Применительно к ритуальным убийствам способ детерминирован правилами религиозного ритуала, включающего набор обрядов, выраженных в действиях, в том числе по подготовке жертвы, направленных на достижение смерти посредством причинения невыносимых мучений жертве, что достигается применением преступниками специальных и характерных только для данного вида убийств орудий и средств [62. С. 105—106].

Применительно к преступлениям, совершаемым в целях трансплантации органов, способ совершения преступления детерминирован медицинскими технологиями, устанавливающими порядок пересадки органов и тканей, в том числе их изъятие, консервацию и транспортировку [45. С. 52—58].

Современная трактовка способа совершения преступления предполагает более глубокую детальную проработку всех его элементов вне рамок уголовно-правовой регламентации, их максимальную вариантность в зависимости от криминальных ситуаций, объектов посягательства, личности виновного лица, используемых средств и орудий, обстановки совершения преступления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андреева Л.А., Новик В.В. Доказывание направленности умысла виновного по делам об умышленных убийствах. Л., 1988.
2. Афанасьев С.А., Иванов В.И., Новик В.В. Особенности расследования сексуально-садистских убийств. СПб., 1993.
3. Бахин В.П. Криминалистическая характеристика преступлений как элемент расследования //Вестник криминалистики /Отв. ред А.Г.Филиппов. Вып.1. М., 2000.
4. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001.
5. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общие частные теории. М., 1987.
6. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М., 1997.
7. Бойко А.И., Ушаков С.И. Компьютерная форма терроризма и ее легализация //Актуальные проблемы борьбы с терроризмом в Южном регионе России. Ростов-на-Дону, 2000.
8. Вандышев В.В. Способы сокрытия преступления и их классификация /Вестник СПб университета МВД России. № 2(6). СПб., 2000.
9. Васильев А.Н., Яблоков Н.П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. М., 1984.
10. Видонов Л.Г. Криминалистические характеристики убийств и системы типовых версий о лицах, совершивших убийство без очевидцев. Горький, 1978.
11. Возгрин И.А. Научные основы криминалистической методики расследования преступления. СПб., 1992.
12. Гавло В.К. О понятии криминалистического механизма преступления и его значении в расследовании криминальных событий //Алгоритмы и организация решений следственных задач: Сб.науч.трудов. Иркутск, 1982.
13. Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск, 1985.
14. Гуров А.И. Криминальный профессионализм и борьба с ним. М., 1983.
15. Гуров А.И. Профессиональная преступность. М., 1990.

16. Густов Г.А. К определению криминалистического понятия преступления // Труды СПб юр.института Генеральной прокуратуры РФ. СПб., 2000. № 2.
17. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 4. СПб., 1966.
18. Ермолович В.Ф. Криминалистическая характеристика преступления. Минск, 2001.
19. Жордания И.Ш. Структура и правовое значение способа совершения преступления. Тбилиси, 1977.
20. Колдин В.Я. Механизм преступления и вещественные источники криминалистической информации // Криминалистика социалистических стран. М., 1986.
21. Колесниченко А.Н., Коновалова В.Е. Криминалистическая характеристика преступлений. Харьков, 1985.
22. Колобылин Ю.Н. Проблемы борьбы с грабежами и разбойными нападениями // Судебная реформа и эффективность деятельности органов суда, прокуратуры и следствия: 4-я научно-практическая конференция молодых ученых, 21 апреля 2001 г.: Тезисы выступлений / Под общ. ред. проф. В.В.Новика. СПб., 2001.
23. Криминалистика: Учебник / Под ред. В.А. Образцова М., 1997.
24. Криминалистика: Учебник / Под ред. проф. Н. П. Яблокова. М., 2000.
25. Криминальная ситуация в России и ее изменение. М., 1996.
26. Криминология: Учебник для юрид. вузов / Под общ.ред. проф. А.И. Долговой. М., 1997.
27. Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования: Учеб. пос. М., 1998.
28. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1999.
29. Куликов В.И. Основы криминалистической теории организованной преступной деятельности. Ульяновск, 1994.
30. Курс советской криминологии. Т.1. М., 1985.
31. Курс уголовного права. / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. Общая часть. Т.1. М., 1999.
32. Кустов А.М. Механизм террористической преступной деятельности // Проблемы борьбы с криминальным рынком, экономической и организованной преступностью: Материалы конференции. М., 2001.

33. Кустов А.М. Теоретические основы криминалистического учения о механизме преступления. М., 1997.
34. Ларин А.М. Криминалистика и паракриминалистика. М., 1996.
35. Лебедев В. Примечание //Вайнград А. Уголовная тактика. СПб., 1912.
36. Лубин А.Ф. Методология криминалистического исследования механизма преступной деятельности: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 1997.
37. Лубин А.Ф. Механизм преступной деятельности. Методология криминалистического исследования. Нижний Новгород, 1997.
38. Лузгин И.М. Моделирование при расследовании преступлений. М., 1987.
39. Механизм преступного поведения. М., 1981.
40. Мешков В.Н. Основы криминалистической теории временных связей. М., 1994.
41. Новик В. В. Криминалистические аспекты доказывания по уголовным делам об убийствах, совершенных в условиях неочевидности. Межведомственный региональный семинар-совещание, 14-15 ноября 2000 г.: Тезисы выступлений. СПб., 2000.
42. Новик В.В. Методика расследования краж: Конспект лекций. СПб., 1992.
43. Новик В.В. Способ совершения преступления в механизме уголовно-правового запрета //Труды СПб юрид. института Генеральной прокуратуры РФ. 2000. № 2.
44. Новик В.В., Овчинникова Г.В., Осипкин В.Н. Вымогательство (квалификация, доказывание, оперативно-розыскная деятельность): Учеб. пос. /Под общ. ред. В.В.Новика. СПб., 1998.
45. Новик В.В., Стеценко С.Г. Актуальные вопросы правового регулирования трансплантологии //Труды СПб юрид. института Генеральной прокуратуры РФ. СПб., 1999. № 1.
46. Образцов В.А. О некоторых перспективах интеграции и дифференциации знаний в криминалистике //Актуальные проблемы советской криминалистики. М., 1979.
47. Образцов В.А. Криминалистическая классификация преступлений. Красноярск, 1988.
48. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1961.
49. Основание уголовно-правового запрета. М., 1982.

50. Панов Н.И. Уголовно-правовое значение способа совершения преступления: Учеб. пос. Харьков, 1984.
51. Панфилова Е.И., Попов А.Н. Компьютерные преступления. СПб., 1998.
52. Попелюшко В.А. Способ совершения преступления как элемент предмета доказывания // Советское государство и право. 1984. № 1.
53. Потапов С.М. Введение в криминалистику. М., 1946.
54. Сальников А.В. Проблемы применения статей 198, 199 УК РФ // Труды СПб. юрид. института Генеральной прокуратуры РФ. СПб., 1999. № 1.
55. Сегай М.Я. Методология судебной идентификации. Киев, 1970.
56. Селиванов Н.А. Советская криминалистика: система понятий. М., 1982.
57. Советская криминалистика. Теоретические проблемы. М., 1978.
58. Тимоти Л.Томас. Терроризм и Интернет: проблемы взаимодействия // Право и безопасность. 2001. № 1.
59. Уголовное право России. Часть Общая: Учебник для вузов / Отв. ред. Л. Л.Кругликов. М., 1999.
60. Устинов В.В. Школа повышения профессионального мастерства следователей возобновляет свою работу // Следственная практика. М., 2002. Вып.1(155).
61. Хеккаузен Х. Мотивация и деятельность. Т.1. М., 1986.
62. Холопов А.В. Способы совершения ритуальных убийств — элемент криминалистической характеристики убийств, совершенных на почве религиозного фанатизма // Судебная реформа и эффективность деятельности органов суда, прокуратуры и следствия: 5-я научно-практическая конференция молодых ученых, 27 апреля 2002 г.: Тезисы выступлений / Под общ. ред. проф. В.В.Новика. СПб., 2002.
63. Чельшева О.В. Механизм преступления. СПб., 2001.
64. Шурухун Н.Г., Зув Е.И. Криминалистическая характеристика преступлений // Криминалистика: Актуальные проблемы. М., 1988.
65. Эйсман А.А. Заключение эксперта (структура и научное обоснование). М., 1967.
66. Яблоков Н.П. Объект и предмет криминалистического изучения // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1997. № 1.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
1. УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПОНИМАНИЕ И ВЫРАЖЕНИЕ В ЗАКОНЕ СПОСОБА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ.....	7
2. СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В МЕХАНИЗМЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗАПРЕТА.....	17
3. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ И УГОЛОВНО- ПРАВОВОЕ ПОНИМАНИЕ СТРУКТУРЫ СПОСОБА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ.....	25
4. КАЧЕСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СПОСОБА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ.....	39
5. СООТНОШЕНИЕ СПОСОБА И ЦЕЛЕЙ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ.....	54
6. СООТНОШЕНИЕ СПОСОБА И МЕХАНИЗМА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ.....	58
Заключение.....	86
Библиографический список.....	88

*Валерий Валентинович НОВИК,
кандидат юридических наук, профессор*

СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

ИД № 01501 от 10 апреля 2000 г.

*Редактор Н. В. Бибикова
Компьютерная правка и верстка
Ю. А. Веселовой*

Подписано к печати 24.09.2002 г. Бум. тип. № 1.
Гарнитура “Times New Roman Cyr”. Ризография.
Печ. л. 5,75. Уч.-изд. л. 5,75.
Тираж 500 экз. (1-й завод 1—300). Заказ 1573.

Редакционно-издательский отдел
Санкт-Петербургского юридического института
Генеральной прокуратуры РФ
191104, Санкт-Петербург, Литейный пр., 44

Отпечатано с оригинал-макета в печатно-множительной лаборатории
Санкт-Петербургского юридического института
Генеральной прокуратуры РФ